

ТАЙНЫ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ

ОПАЛЬНЫЕ КОЕВОДЫ

Ратные подвиги
русских воевод
Трагедия опального
князя Курбского
Взятие Казани
Царь Иван против
своей страны

АНДРЕЙ
БОГДАНОВ

Андрей Петрович Богданов
Опальные воеводы
Серия «Тайны Земли Русской»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654444
Опальные воеводы: Вече; Москва; 2008
ISBN 978-5-9533-2318-5, 978-5-4444-8306-0

Аннотация

Новая книга известного историка и литератора раскрывает тайны военной истории Московской Руси времён Ивана Грозного. Личности русских воевод XVI века стали ключом к загадкам славных побед и одолений, превратившихся вскоре в катастрофическое военное поражение и Великое разорение нашей страны.

За последующие столетия прославлению и оправданию тирана была посвящена огромная литература. Но целые сонмы «вселукавых пагубников Отечества» не смогли извратить и уничтожить правду, скрепленную святой кровью подвижников. Книга академика Богданова ярко и увлекательно рисует события седой старины. Знакомство с реальными фактами позволяет читателю отчетливо видеть, кому и зачем требуется в наше время «бесстыдствовать и оправдывать такого человекорастерзателя».

Содержание

Предисловие	5
Часть первая. Исход	8
Глава 1. Бегство победителя	8
Глава 2. Борьба за Русь	34
Конец ознакомительного фрагмента.	55
Комментарии	

Андрей Богданов

Опальные воеводы

© Богданов А.П., 2008

© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

Предисловие

Мастерство и маститость – слова удивительно созвучные. И по смыслу родственные. Применяются они обычно к людям, долго, много и красиво проработавшим в той или иной сфере культуры. А если ученый-историк более трёх десятилетий с искренним любопытством стремится к поиску нового и обладает абсолютным историческим слухом? Верно и точно передает замершие узоры давно прошедших времен в изящном и динамичном ритме современного исследования? Тогда мы получим в высоком смысле профессионала, работающего в жанре исторического документального повествования. Это и будет Андрей Петрович Богданов – автор новой книги, которую раскрыл читатель.

Столетия невероятных физических и нравственных испытаний пережил восточноевропейский мир. Лихолетья иноземного ига и, что много опаснее для самосознания народов, варварство собственных правителей, царей и генсеков, сознательно (а порой подсознательно) уничтожавших лучших из лучших. Истинных патриотов и радетелей за общее благо, которые и составляли собственно элиту генофонда нации. О таких людях, о «соли земли» нашей говорится в этой книге.

Автор уходит всего на четыре века назад. Всего лишь в утро вчерашнего дня с точки зрения мирового цивилизационного процесса. XVI век. Русь ещё не стала Россией, но уже стянула монгольское иго; Москва собирала вокруг себя восточных славян, финно-угров и тюрок – всех, кто жил или пришёл на Великую Русскую возвышенность. И на этом могучем подъёме всем им, объединившимся в Московское государство, довелось захлебнуться слезами и кровью, которые без жалости проливал тиран на троне – Иван Грозный. Но не о нём речь в книге.

Московский воин. Гравюра XVI в.

Герои этой книги – замечательные русские полководцы, люди необыкновенных дарований и выдающихся заслуг перед Россией. Это Александр Борисович Горбатый-Шуйский и Семён Иванович Микулинский-Пунков, Андрей Михайлович Курбский и Иван Васильевич Большой-Шереметев, Даниил Фёдорович Адашев и Пётр Семёнович Серебряный-Оболенский, Иван Петрович Шуйский и их товарищи.

Под командой славных воевод ратники Московского государства одержали немало блестящих побед над храбрыми и умелыми противниками. Русь защитила свои границы и отовоевала исконные земли на западе, разгромила Казанское и Астраханское ханства, укрепилась на Северном Кавказе и вышла к Балтике, померилась силой с наследником Золотой Орды – крымским ханом и его повелителем – султаном Османской империи.

Русь крепла и побеждала. Судьба победителей была трагична. Один за другим они безжалостно уничтожались Иваном Грозным, вырезались семьями и целыми родами. Кроважандный и трусливый тиран вёл войну против собственного народа, хотел руками опричников и внешних врагов обратить в покорное молчаливое стадо всю Святую Русскую землю.

Лучшие воины страны, её опора перед внешним врагом, первыми попадали под опричные ножи и сабли нахлынувших на Русь «братьев» царя Ивана IV.

Турецкий флот уже поднимался вверх по Дону, а янычары топтали земли Поволжья. Крымский хан, ещё недавно не надеявшийся на спасение в Крыму, жёг русские города и саму Москву. Шведы занимали крепости, защитники которых были вырезаны опричниками, польский король стоял под стенами Пскова, и истекавшая кровью Русь вновь должна была бороться за своё существование. Страна была приведена самодержцем на порог гибели.

Воеводы знали, какая «награда» ждет победителя. Но каждый раз на место невинно убиенного по приказу царя становился другой полководец – и заступал путь врагу. Это было важнее собственной жизни – заслонить Отчизну. Русская армия была ослаблена страшными репрессиями. Наши полки нередко в десять раз уступали неприятелю по численности. Но они вступали в бой – и янычары бежали до Стамбула, а крымские ханы запирались в Бахчисарае. Польша и Швеция отступали, поумерив свои аппетиты на русские земли.

А победителей уже пытали и жарили на огне, морили в заточении и травили ядом, обвиняя в несуществующих заговорах и «изменных сношениях» с неприятелем. Немногим удавалось спастись или найти смерть в бою. Иван Грозный и его окружение не жалели усилий, чтобы очернить казнённых тираном опальных воевод, вытравить в историческом сознании память об их подвигах, приписать себе все «победы и одоления».

Позднее некоторые наши историки, восторженно пресмыкавшиеся перед очередными вождями, продолжили дело печально знаменитого злодея на троне. Самодержавный убийца превращался под их перьями в великого полководца, автор Великого разорения – в спасителя Отечества. А князь Андрей Михайлович Курбский, чудом спасшийся от казни, чтобы во главе народного ополчения защищать людей от опричной резни, развивать науку и литературу, укреплять веру и клеймить тиранию в острых политических трактатах, был объявлен проклятым изменником Родины. И так продолжается – верными слугами тиранов – до последнего времени.

Перед вами – не просто военная история. Восстановить историческую справедливость, воздать должное нашим предкам, ратоборцам и страдальцам за свободу Родины – этому посвящена книга. В ней немало батальных сцен. Много насилия и жутковатых подробностей, есть страницы, с которых буквально капает кровь. Не для любителей любовных романов с неизменным счастливым концом это издание. Для тех, кто хочет приобщиться к Истине. Живые, иногда жестокие сцены написаны А. П. Богдановым на основании достоверных глубоких знаний о культуре и языке, о быте и тонкостях поведения наших предков. В этих деталях порой путаются романисты, их побаиваются (утонешь!) историки. В этой книге достоверность исторического контекста верно служит воссозданию во всей возможной полноте нравственных подвигов наших предков, того русского духа, который стал основой единства и величия нашей страны.

Александр Таланов

Часть первая. Исход

Глава 1. Бегство победителя

На юрьевский¹ замок напал холодный вечерний туман. Из окна было видно, как он проглатывает сыро поблескивающие камни рва, между которыми ещё чуть-чуть, только начав свой путь к свету и гибели, пробиваются зелёные стрелки травы. Туман полз в узкие окна рыцарского зала, собираясь каплями на матовой поверхности развешанного по стенам оружия, заставляя ёжиться собравшихся в зале людей. Жаркое пламя огромного, выложенного гранитом камина обжигало обращенные к нему лица, но не могло изгнать из-под стрельчатого потолка влагу и хлад и ещё то странное, связывающее людей чувство бесполезности усилий, которое появляется, когда в их круг входит смерть.

– Решайся, князь! – сказал, отворотив лицо от камина, рослый человек в польском кунтуше. – Топор занесен, и на Руси тебе нет спасения от маньяка.

– Решайся, – повторил другой. – Рыцарю недостойно дать зарезать себя, как скотину! Нет измены в том, чтобы унести своё горло от зневоления. Вот закрытые листы короля Сигизмунда и гетмана литовского Радзивилла. Вот ещё послания: вся польская и литовская шляхта желает ласково принять знаменитого полководца!

– Решайся, Андрей Михайлович! – проговорил человек в подбитом железом кутке, с сабельным шрамом через лицо. – Литовская Русь ныне лучше Московской. Все мы, твои верные слуги, пойдём за тобой хоть в Литву, хоть на плаху!

– Жена твоя и мать, – продолжил четвертый, – рады лучше умереть, чем видеть твою позорную казнь или даже слышать о ней. Едем, княже!^[1]

Тот, кому говорились эти слова, стоял поодаль от камина, в тени, тяжёло опершись о края бойницы, глядя в призрачную стену тумана. Он не отвечал и, казалось, не замечал ни холода, ни нервной дрожи обращенных к нему голосов.

В сером тумане виделись князю Андрею Михайловичу Курбскому солнечные блики, как бы переливавшиеся со светлых маковок московских церквей на сверкающее оружие молодых воинов. Виделись ему играющие под ратниками кони, малиновая с золотым шитьем хоругвь выступающего из Москвы воинства, слышался звон копыт о свежие бревна улицы, приветственные клики столпившегося в переулках народа...

Сколько раз выступал он с московскими ратями на неприятеля?! Не помнилось. Зато осталось в памяти (и уж не забудется, покуда жив) светлое чувство радости воина, которому дано постоять за Святорусскую землю, защитить народ от ненавистного врага, освободить страждущих в плену братьев.

Помнил князь время, когда расцветало и крепло Московское государство, выростали крылья у его полководцев, летели их мужественные полки в самые логова золотоордынских наследников, громили жадных до русской добычи ханов, очищали старинные земли Руси от насильников, смиряли разбойников.

Тогда в опустошенных русских краях, где были лишь ордынские зимовища, вновь вставали города и села, кони сынов Руси пили воду быстрых степных рек. Не забывается радость на лицах сотен тысяч идущих домой людей, их натруженные в неволе руки, хватавшие воина за позлащенное стремя^[2].

¹ Древнерусский Юрьев, переименованный немцами в Дерпт – современный г. Тарту в Эстонии.

Двадцать два года было князю Андрею, когда московское войско с самим царем во главе шло зимним путем на Казань. Уже тогда царский стольник и есаул Курбский слыл бывалым воином. А летом по крымским вестям, что идёт орда в тридцать тысяч сабель на рязанские земли, послал его царь оборонять город Пронск как опытного воеводу. Да, тогда ему улыбалось воинское счастье. На следующее лето с верным другом князем Петром Михайловичем Щенятевым вел он на татарский рубеж свой полк – государева воинства полк Правой руки^[3].

В двадцать четыре года Андрей Михайлович выезжал из Кремля впереди своего полка на решительный бой с Казанским ханством. Пятнадцать тысяч конников шло за ним: дворян и военных холопов в серебристых панцирях, блещущих стальными пластинами юшманах, в крытых по броне цветным сукном куяках и толстых тегиялях, круглых шлемах с наушиями и островерхих шишаках, с саблями и саадаками на поясе, у седла.

В охватившем юрьевский замок тумане князь Андрей явственно видел железный строй своего полка, как наяву слышал торжественный перезвон московских колоколов, провожавших на подвиг сыновей Русской земли. Когда же это было? Да, 16 июня 1552 года², в четверг первой недели Петрова поста. Недолго длилось то торжественное шествие через города и веси. На четвёртый день полк Курбского и Щенятева был поднят тревогой.

² В XVI веке на Руси считали лета от Сотворения мира, каждый новый год с 1 сентября. Я для читателя перевожу года на счет от Рождества Христова. – *Авт.*

Московский всадник. Гравюра XVI в.

Помнится, они расположились в Кашире. Воины снимали стёганки, чтобы отдохнуть с перехода, когда на коломенской дороге, от царской ставки, показался всадник – гонец с соколиным пером у виска.

– На Русь идет Крымская орда! Приближается нам время мужественно утвердиться! – так передавал царь Иван, обещая сам первым пойти на общего неприятеля. Эта весть вмиг одела в латы весь полк Правой руки. Слыша государя своего слова, едиными устами вскричали воины: «Готовы есть за веру христианскую и государя нашего пострадать и до смерти!»

Но не скоро собирался царь на битву. Стояли воеводы и ратники в Кашире в нетерпеливом ожидании ещё более двух дней, пока не прилетел новый гонец:

– Грабит Орда землю и воюет Тулу!

Многие храбрые воеводы садились при этой вести на коня. В Ростиславле князь Иван Иванович Пронский и Дмитрий Иванович Хилков, в Колычёве сам славный князь Михаил Иванович Воротынский, на Прони с пограничной стражей князь Михаил Репнин, в Михайлове – Фёдор Салтыков. Но быстрее других переплыли Оку и устремились сквозь густые леса ратники князей Курбского и Щенятева. И спешили они недаром.

Не пошёл царь вперед с Большим полком, помочь Туле не поспешил. А как услышал государь Иван Васильевич, что с ханом пушечный наряд большой и турецкого отменного воинства – янычар – немало, сей же час удалился в церковь, потому что не мог, ради скорой тулякам выручки, «благочестием» своим прегрешить. И так провёл день и другой: то заутреню не мысля пропустить, то обедню, то вечерю, а то опять заутреню – насилу отпустил на третий день к Кашире свой полк.

В Туле воинов было мало, все к царю ушли, собраться же в городе окрестные жители не могли. Рано утром налетели без вести татары числом семь тысяч, пошли пленить землю изгоном. Отбился мудрый воевода князь Григорий Тёмкин, успел закрыть ворота и послать гонцов о выручке. Следом за изгоном пришёл сам хан Девлет-Гирей. Приступал хан к Туле весь день, из многих пушек бил, огненными ядрами и стрелами стрелял. Потом двинулись на горящий город янычары.

Пока царь в Коломне литургию стоял – туляки гасили в городе пламя. Когда царь крестился – пошли на стены Тулы все мужчины, женщины и малые дети, мужеством исполненные. Долго бились они с янычарами, многих турок под градом побили, хотя сами во множестве полегли. И отошли янычары от стен.

Наутро хан Девлет-Гирей, видя в городе немногих людей, вновь послал на него воинов с пушками и пищалями, желая Тулу с лица земли стереть. Но уже садился на коней полк князя Андрея Михайловича и князя Петра Михайловича. Еще ночью залёг он от Тулы в немногих верстах, давая отдых коням. И как поскакало на утренней заре московское воинство, поднялась пыль столбом в самые небеса!

Увидали ту пыль туляки, обрадовались, стали кричать, что идет-де к городу православный царь. Испугался хан Девлет-Гирей, стал звать янычар назад, побежал с отборными воинами за три реки, побросал пушки и лагерь, орду свою, что отпустил на грабёж, покинул.

Прискакал полк Правой руки в ханский стан, стал среди шатров возвращения орды из изгона дожидаться. И слетелась к своим пожиткам орда, увидела вместо хана князя Андрея Михайловича в высоком шишаке с флажком алым, бросилась на русских воинов, те же ударили встречу. От праха из-под копыт меркло солнце в летний день, от грома земля шаталась, в сабельном сверкании глаза слепли.

Не хотели татары оставлять имущество и уходить без походной добычи, бились крепко, не пятились. Русским же нечего было делать, кроме как победить и весь христианский полон спасти или самим всем пропасть: зело было в орде людей много. Час бились воины, второй сражались, когда третий к концу пошел – легла орда под копыта русского войска. Едва столько басурман ушло, чтобы в Крым весть о разгроме принести. Настигли хана беглецы у речки Шиворони – побросал Девлет-Гирей последнее и бежал с великим срамом.

Не выдал в тот день воевода князь Андрей, всегда был впереди, в самой жестокой сече. Странно было вспоминать, что не чувствовал он в бою тяжёлых ран. Не оставил он и потом полка, вернулся с ним в Коломну, где царь праздновал «свою» великую победу над ханом. Воины полка Правой руки получили восемь дней на излечение ран, а потом спешно двинулись на Казань^[4].

* * *

Славное дело совершил вновь полк Правой руки, выпала ему особая честь заслонять всё войско от Заволжской орды. Боялся царь, что нападут на него лихие ногаи, потому и послал Курбского с ратниками в их сторону на пять дней конской езды путем нехоженым. Пошел полк в тринадцать тысяч сабель к старой Рязани, перешел Оку-реку многоводную, въехал в Мордовский лес.

Такого леса и бывалые воины не видывали. Деревья там стояли как колокольни, солнечный свет закрывая. Между ними лишь тропы звериные вились, по ним ходил зверь непуганый, птица на руку садилась. Лоси выходили прямо к котлам, ратникам на съедение, в сумраке говорила в лесу тварь неизвестная. Три дня света не видел русский полк, на четвёртый вышел в Дикое поле.

Не один день ехали тем полем всадники – нигде им жилья не встретилось. Земля же там такая плодородная, что, казалось, сунь в неё копьё – вырастет дерево копейное, брось зерно – вырастет колос величиной с кулак. На девятый день пути у ратников хлеб кончился, стали они в речках на пути рыбу ловить: рыбы в тех краях видимо-невидимо, да разве рыбой накормишься! Иногда сбивали стрелой птицу мимолетную, валили зверя пробежавшего, тем и питались. По пяти неделях пути, с голодом и многотрудной нуждой, дошли всё же до Суры-реки, где была царская переправа построена.

Здесь ратники с главным войском встретились и сухарей наелись со многотрудной сладостью и благодарением, покупая их втридорога или у друзей-приятелей беря. Когда же перешли Суру и ехали по земле чувашей восемь дней, полями дикими и дубравами, тогда, изнемогшие от голода, принимали где в подарок, где за деньги простой чувашский хлеб – и был этот хлеб слаще сахарных калачей и марципанов!

Самым же сладким было чувство совершаемого подвига за Отечество, неодолимого на неприятеля шествия вместе с царём своим – это было всего благодарнее и радостнее. Не чувствовалось тогда никакой нужды и тяжести, но соревновались все друг перед другом в стремлении к добродетели подвигу за святое дело.

Особая радость охватила воинов, когда пришли они в Свияжск, были торжественно встречены стоявшими там полками и с ними соединившимися отрядами чувашей и марийцев. Во всех бедах не оставляло князя Курбского светлое воспоминание Свияжска, куда пришли воины как в свой дом после долгого и трудного пути, где нашли друзей и родных, получили посылки и письма, оказались внезапно в достатке, но без обычной в городах нечистоты и греховной мерзости...

Дивно было взять в руки ковш с квасом, прямо из Москвы привезенным купцами, когда в походе даже стрелы в тюках были считаны. Однако не одни радостные воспоминания были связаны у Курбского с приходом к Казани. Помнил он, как грозно молчала крепость, когда обступали её русские войска, на какой страшной круче стояли её стены, рубленные из бревен дубовых в богатырский обхват. Трудно было даже взглядом дотянуться до вознесшегося на вершине горы ханского дворца и сверкающих глазурью мечетей.

Главное же – сердца татарских воинов были тверды, как мореный дуб. Двенадцать тысяч конников пришло с князем Андреем и дорогим его товарищем князем Петром Щенятевым к реке Казанке, под казанскую кручу, да ещё пеших удалых стрельцов с казаками шесть тысяч над берегом реки окопалось. А сколько из них осталось в живых?

Не мог князь Андрей Михайлович сказать дурного слова о татарских воинах, которые в одночасье, и с поля, и из города, так храбро бросались на его полк, что трудно поверить! Кто бы мог рассказать, думал воевода, какой урон в людях и конях они нам наносили, когда мы заготавливали конские корма: большие отряды не могли оборонить заготовителей от хит-

роумных, внезапных и отважных наездов татарских. Воистину и пишуци не написать полно, сколько тогда было русских воинов побито и поранено!

А когда повелел царь Иван пленных, взятых на Арском поле в битве, привязать у города к кольям, чтобы молили своих о сдаче, обещая всем жизнь и свободу, – что сделали защитники города? Слова царских вестников выслушали тихо и открыли стрельбу со стен, не столько по нашим, сколько по своим, говоря:

– Лучше видеть вас мёртвыми от своей руки, чем посекут вас гяуры необрезанные!

С таким яростным врагом могли биться подлинно отважные мужи, готовые на смерть, отмщая бесчисленное и многолетнее разлитие крови христианской, а оставшихся в Казани живых братьев-православных избавляя от тягчайшего рабства. Такие мужи были в российской войске, не только русские, но и татары мирные, чувашаи, мордва и марийцы.

* * *

Пушки и пищали палили в упор, стрелы летели густо, как капли дождя, камни сыпались со стен так, что и воздуха не видать было, когда шли воины Курбского на решительный последний штурм. Когда пробились ратоборцы, с великой нуждой и бедой, к стенам казанским – потёк на них вар кипящий, полетели целые бревна. Русские пушки били через головы своих, но казанцы не прятались, а во весь рост стояли на великой башне и стенах града, стреляя и рубясь с наступающими.

С горечью думал Андрей Михайлович о том, что много людей собралось на штурм, да не все под стены пришли: некоторые возвратились, другие лежали и притворялись побитыми и ранеными. Зато когда храбрые осилили и казанцы со стен побежали, мигом эти лежащие «раненые» вскочили и бывшие якобы в мёртвом сне воскресли. Из станов кашевары, коноводы и маркитанты сбежались в город, не ради ратного дела, но на корысть многую. Ибо Казань накопленными десятилетиями походов на соседей золотом, серебром, камнем драгоценным и соболями кипела и другими богатствами. Эти трусы-грабители не раз, а по два и по три раза в свой стан с корыстями возвращались, пока храбрые сражались без передышки.

Но те, кто шёл впереди, не оглядывались на мародеров. Бог даровал ратоборцам храбрость, упорство и забвение смерти. Радостным сердцем бились отважные с наследниками Золотой Орды, готовые победить честно или умереть со славой за Землю Святорусскую, за отцов и братьев, пленяемых и разоряемых.

Не посрамил Андрея Михайловича его родной брат – первым взошёл на стену по лестнице, и другие храбрые с ним. В полчаса отбили воины, стоя открыто под стенами, казанцев от бойниц стрелами и пулями, вломились в окна надвратной башни, рубясь и колясь с неприятелем, а из башни попрыгали вниз, к крепостным воротам. Не останавливаясь – хотя немало утрудилась в тяжёлой броне, а многие имели уже раны – полезли храбрые ратоборцы за отступившими казанцами на высокую гору к ханскому двору.

Мало было храбрецов, из них девяносто восемь полегли в бою за гору. Бились более четырёх часов. Не раз мужественные казанцы хотели сбросить ратников Курбского с горы крутой, сильно налегали на них сверху от ханского двора, однако устояли русские воины. Осталось с Андреем Михайловичем меньше полутораста ратников, а казанская сила затворилась на ханском дворе, числом до десяти тысяч. Тогда пришло на полк Правой руки последнее испытание.

Умыслили казанцы не даваться живыми в руки неприятелей, любой ценой хана своего спасти. Видели они, что на крутой горе русских бьется мало, бросили все и пошли вниз по узкой улице напролом.

Не могли стоять люди Андрея Михайловича против такой отчаянной силы, отступали, храбро рубясь, до самых ворот. Здесь обернулся князь Курбский к своим ратникам и крикнул:

– Если спасётся хан, устоит и ханство: тогда напрасна вся кровь!

Поднужились храбрые воины, стали в воротах насмерть. Держали они ворота, пока не пришли на помощь два свежих полка. Бились в воротах – завалили телами ворота высокие, бились у башни – сравнялась гора трупов с великой башней. Прошли казанцы по трупам на башню, поставили там хана и закричали:

– Хотим малого времени на разговор!

Велел Андрей Михайлович своим на время остановиться, казанцы же сказали такие слова:

– Пока стоял юрт и главный город, где престол царев был, стояли и мы насмерть за царя и Отечество. Ныне отдаём вам нашего царя живьём – ведите его к своему царю. А сколько осталось нас – выходим на широкое поле испить с вами последнюю чашу!

С тем отдали русским хана Еди-Гирея с сановниками его и вновь начали битву. Они не сражались больше за ворота, но попрыгали со стены и пошли прямо через Казанку-реку – хотели пробиться через князь-Андреев стан теми бойницами, где стояли шесть огромных пушек. Но не дремали пушкарки – ударили враз изо всех этих пушек.

Тогда казанцы прошли вдоль реки ниже на три лучных перестрела, скинули тяжёлое оружие и бросились в реку. Осталось их всего тысяч шесть или меньше. Первые, перейдя реку, не побежали в лес, но натянули луки и положили стрелы на тетивы. Другие, за ними перейдя, одевались вновь в броню и становились в строй. Затем, готовые к битве, пошли от Казани плотным полком, длиной на два полета стрелы. В городе царское войско шумно праздновало победу.

Видел это князь Андрей Курбский, начал собирать людей и, добыв коней за рекой у своих станов, поскакал на казанцев с двумястами всадниками, больше собрать не мог. Хотел он рассечь неприятельский полк, коего хвост ещё не вышел из реки, и всех раньше врезался в казанский строй. Он запомнил в горячке сечи, что трижды врубался в татарский полк, а на четвёртый раз, тяжко израненный, повалился с убитым конем в середине того строя, надолго потеряв сознание.

Очнулся он нескоро и увидел себя лежащим среди трупов, с плачущими над ним, как над мёртвецом, слугами дома Курбских. Крепок был праотеческий доспех князя, и все же чудом остался он в живых. Потом уже узнал Андрей Михайлович, что две сотни благородных всадников, поскакавших вслед за ним на чело казанского полка, шарахнулись от густо летящих стрел, напугались глубины строя неприятельского и отвернули в стороны, только потершись возле него.

Князю сказывали, что позже подоспел к казанскому полку его брат, тот, который первым взошел на стену. Уже посреди поля застал он полк и врезался в чело его на всем скаку столь храбро, что и поверить трудно. В войске говорили, что дважды проехал он сквозь ряды татар, рубя направо и налево и крутясь посреди них на коне. Когда в третий раз врезался он в казанский полк, помогал ему какой-то благородный воин и они вместе разили басурман. Царские же войска смотрели на это со стен.

Сильно был изранен Андрея Михайловича брат: пять стрел торчало у него в ногах, помимо иных ран. Но был он столь крепок сердцем, что, когда пал под ним конь, взял у одного царского слуги другого коня, пренебрегая жестокими ранами, снова нагнал басурманский полк и рубил его вместе с подоспевшими воинами до самого болота. Очень любил князь Андрей своего брата, жизнью хотел бы заплатить за его здоровье... Но умер брат на другой год, верно, от тех казанских ран.

А в тот великий день, 2 октября 1552 года, в городе Казани и станах вокруг ликовали ратоборцы. На горе в последних лучах заката красились кровью муравленные башни мечетей. На луговину, где лежал Андрей Курбский, на болото, через которое ушли последние

защитники Казани, на чёрный лес, принявший в себя разгромленный, но не побежденный полк, опускалась ночь^[5].

* * *

Тьма наваливалась и на юрьевский замок. Вместе с почерневшим туманом она лезла в бойницы рыцарского зала, заставляя людей ещё теснее придвигаться к камину.

«Когда же это началось? – думал Андрей Михайлович, перед мысленным взором которого уже стояли другие картины, более жуткие, чем всё, что он видел в своих многочисленных боевых походах. Сёла, вернее бывшие сёла, зияющие чёрным пепелищем. Мёртвые крестьяне: мужчины, женщины и дети, от старцев до грудных младенцев, – порубленные саблями, взорванные порохом, распятые, повешенные... Трупы, валяющиеся среди зарезанного скота и птицы. Царь не оставлял ничего живого в богатых селах и областях, виновных в том, что их хозяева – бояре и дворяне – были без суда и без вины зверски замучены, оклеветаны или просто подвернулись под пьяную руку. – Бог весть!..»

Князь закрыл глаза рукой, но перед ним ещё ярче стали лица героев Казанского взятия, их сверкающие радостью глаза, их готовность к богатырским подвигам за Святорусскую землю. Сколько их осталось? Лучшие гибнут первыми. В темнице Михаил Воротынский и Иван Большой-Шереметев. На обоих заведены «изменные» дела. Братья их, храбрые воеводы Александр и Никита, замучены. В тюрьме Дмитрий Иванович Курлятев с сыном и иные многие. В самой Думе из 55 человек осталось 42, а что будет дальше – лучше не представлять и не видеть.

Помимо воли всплывали перед Андреем Михайловичем картины московских казней, колёса с переломанными телами, окровавленные плахи, искалеченные тела на кольях, распятые с содранной кожей, расстрелянные женщины, сваленные в кучу младенчики. В отрубленных головах узнаются черты храброго воеводы Даниила Адашева с 12-летним сыном, Фёдора, Алексея и Андрея Сатиных, молодого Дмитрия Овчинина, князя Василия Фуникова. Вот стародубский наместник и воевода Василий Шишкин, убитый после того, как у него на глазах растерзали жену и двух дочерей.

Вот спасенный от лютой муки верой в Господа ещё жив и поёт канон Христу посаженный на кол князь Дмитрий Шевырёв...

По колено в крови ходит московский царь. Идет на молитву утреннюю – зарезал на церковном пороге князя Юрия Кашина, мало показалось – убил и брата его, князя Ивана. За какую вину? Вот начал царь пить с любимыми своими ласкателями, а упившись, стал со скоморохами в мерзких личинах плясать, вздумал нахлобучить личину и заслуженному воеводе князю Михаилу Петровичу Репнину.

Отказался князь менять лицо на личину – и был убит у церковного алтаря. В Невеле зарезан по царскому приказу князь Иван Шаховской-Ярославский^[6]. Пылают по всей Святорусской земле села, а кровавая рука тянется уже к городам.

Тогда, стоя у бойницы в мрачном рыцарском зале Юрьева-Ливонского, князь Андрей не мог знать, чем кончится для Руси война, начатая государем против своего народа.

Такого не было в истории, чтобы огромное, богатое государство самопроизвольно разорилось и обезлюдилось, чтобы на выжженном пространстве страны остались лишь небольшие островки населённых и обрабатываемых земель. Кто, при всей ненависти к тирану, мог подумать, что по великому торговому пути от Холмогор до Вологды изумленный иноземец проедет, не встречая ни одного населенного пункта? Мог ли князь представить себе картину, когда площадь пахотных полей всего Севера, Северо-Запада и Запада Руси – территории, превосходящей Германию и Францию, – всего за четверть века войны тирана со своим народом сожмётся до двух частей из пяти?

Там, у границ, можно было ещё бежать, спасая свою жизнь, в чужие государства. А что сотворилось в центре Руси, где в Московском уезде «запустело» 84 процента пахотных земель?! Мор и голод свирепствовали там, где прошли царские опричники и каратели – сборщики налогов. Историкам любо будет позже, спустя триста-четырееста лет после событий, списывать ужасные потери русского народа на «перенапряжение народнохозяйственных сил» из-за войны с маленькой Ливонией, на набеги крымских татар, болезни и голод... Но налоги, голод и болезни не уничтожают полностью одни человеческие поселения, оставляя рядом другие. А поземельные описания, проведенные до и после зверств опричников Ивана Грозного, говорят:

– в Вотской пятине земель Великого Новгорода исчезло с лица земли 77,5 процента сел и деревень, а в Шелонской пятине – 90,2 процента;

– в Московском уезде осталось 25,5 процента «живущих» поселений.

Именно так: не бежали от налогов одни семьи и вымерли от голода и болезней другие, не просто сократилось количество жителей и площадь обрабатываемой ими земли, хотя и это имело место. После опричников в селе, ставшем пустошью, не оставалось ни одного человека и ни одной живой твари.

А что же крымские татары? Их набеги наносили чудовищный урон. На крымском рубеже шла страшная война на выживание, не затихавшая буквально ни на один день. Здесь был выбор: умереть, сражаясь, или стать рабом. Царь такого выбора своим подданным не давал. В Тульском уезде – форпосте борьбы с Диким полем – к концу царских репрессий количество распаханых земель возросло более чем вдвое...

Татарская сабля страшила гораздо меньше, чем ножи опричников. Геноцид гнал русский народ в южные степные районы, Нижнее Поволжье, Прикамье (откуда волна переселенцев вскоре хлынула в Сибирь), на Крайний Север^[7]; массовый приток русских рабочих рук способствовал расцвету восточных областей Шведского и Польско-Литовского государств...

Курбский знал, что многие уже бежали за рубеж. Из Заболоцких трое были казнены, но один ушёл вместе с Иваном Ивановичем Ярым в Польшу. «Всеродне» уничтожены были родичи бежавших в Литву воеводы Хлызнёва-Колычёва, новгородского тысячника Марка Сарыхозина с братом Анисимом, Тимофея Тетерина.

В Литве оказались тогда Андрей Кашкаров и князь Михаил Ноготков-Оболенский, Семён Огалин и Семён Нащокин, Осьмой Михайлович Непейцын и князь Иван Борисович Оболенский, князь Фёдор Иванович Буйносов-Хохолков и князь Василий Андреевич Шамахея-Шестунов, Золотой Григорьевич Квавшин и многие, многие другие знатные люди.

Дикие расправы гнали русских людей в Швецию, «в немцы», даже в Крым и к османам!^[8]

* * *

«Когда же мы пропустили, – думал Курбский, – эту перемену в верхах, после которой уже невозможно стало остановить костоломную машину убийства каждой живой души?! Неужели ещё под Казанью?» Тогда, на третий день после преславной победы, царь Иван разгневался на всех своих воевод.

– Теперь защитил меня Бог от вас! – говорил царь. – Не мог я вас мучить, пока не покорилась Казань, слишком нужны вы были мне. Ныне, наконец, вольно мне злость и мучительство над вами показать!

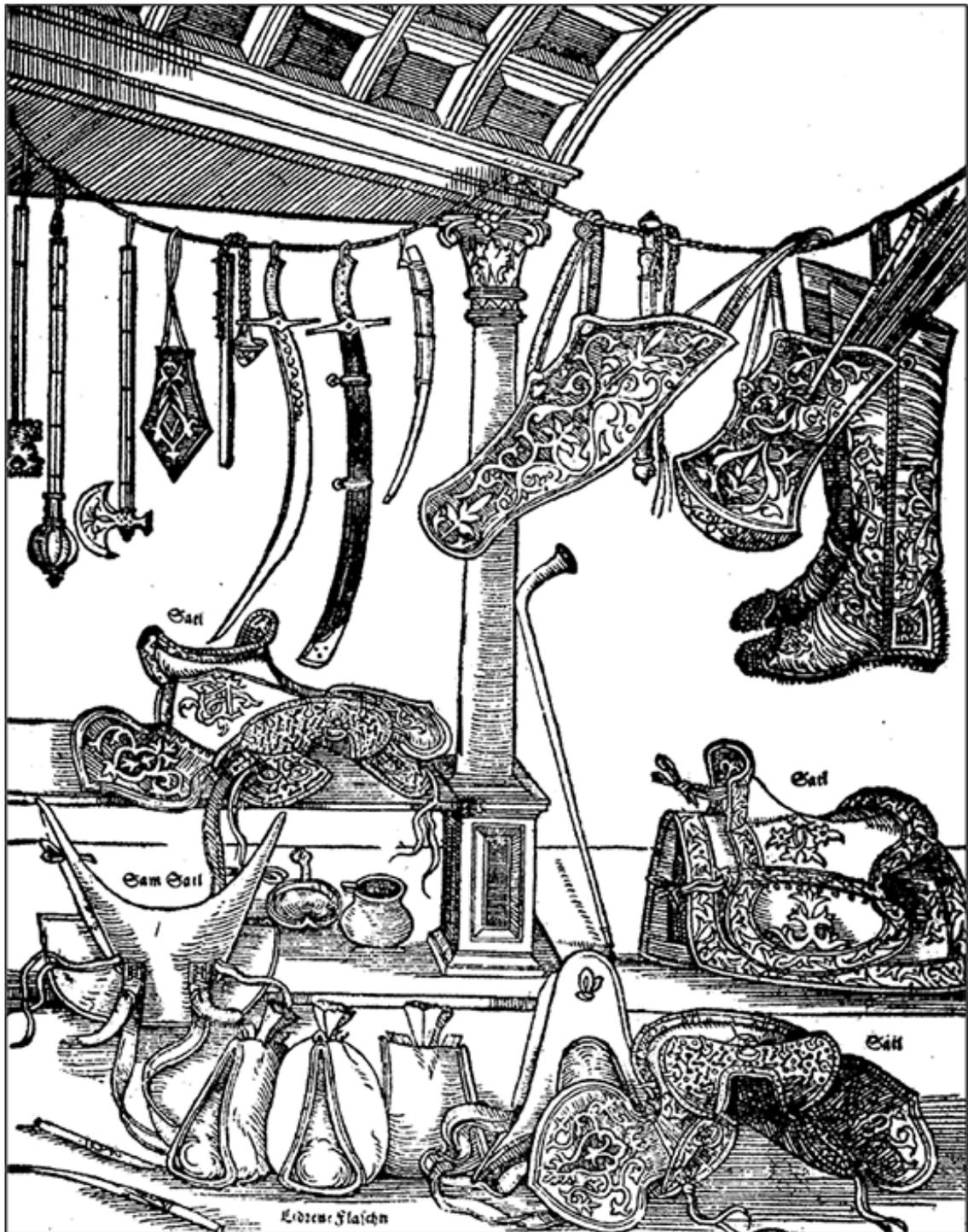
И показалось тогда воеводам, что сам Сатана явил неизреченную лютость к человеческому роду, похваляясь языком тайного слуги отомстить христианскому воинству, своим мужеством и храбростью победившему врагов Христа. Это была лютость государя, который

ещё в детстве любил издеваться над беззащитными животными, убивать их, бросая с высоких крылец и с теремов. А как попрос царь – стал и людей бросать, находил удовольствие в убийствах старых и малых. Но лютые повадки царя были обузданы Избранной радой....

Тогда, под Казанью, царь Иван проявил лишь собственное буйство, бросив на середине начатое дело покорения ханства. Он ушел от Казани с большей частью воинов, да ещё погубил у воинства коней, послав их труднейшим непроторенным путем к Нижнему Новгороду.

А ведь воеводам было ясно, что казанское войско ещё не до конца разбито, что самая стойкая его часть ушла в леса, что кроме татар в ханстве много других народов: мордовцев, чувашей, марийцев, вотяков, башкир, которые живут на огромной территории и пока что не приняли русское подданство.

Царь презрел добрый совет, ушёл сам и распустил войско, оставив в Казани лишь нескольких воевод с семью тысячами ратников. Слабость русского полка разжигала стремление казанцев к сопротивлению. Сколько напрасной крови было пролито за годы боев на бескрайних просторах бывшего ханства!

Русское оружие и снаряжение XVI в. Гравюра XVI в.

Курбский хорошо помнил то время, когда под командой мудрых воевод князей Александра Горбатого и Василия Серебряного небольшой русский полк то наносил стремительные удары по восставшим казанским князьям, то отсиживался в Казани, то стремился (зачастую тщетно) не пропустить их в набег на муромские и нижегородские земли.

Медленно, шаг за шагом покоряли воеводы ханство, возводили остроги и передовые заставы, укрепляли дружбу с отдельными племенами, приводили к присяге новые районы. В кровавой битве погиб отряд Бориса Салтыкова, и сам он был убит в плену. Об общих же потерях в этой затяжной войне Андрею Михайловичу трудно было вспоминать и много лет спустя.

* * *

Наконец смилостивился царь Иван – послал в Казань тридцатитысячное войско. Командовали им воеводы, от младости своей в богатырских делах искусные: Иван Васильевич Большой-Шереметев, Семён Иванович Микулинский-Пунков, Андрей Михайлович Курбский.

Вовремя пришли воеводы. В дальних пределах бывшего ханства уже собрался отборный пятнадцатитысячный полк казанцев, готовый обрушиться на русские заставы и мирные племена.

Столкнулись войска в последней решительной борьбе: более двадцати раз сходились в жестоких сечах, и везде побеждали русские воеводы. Отступая, казанское войско уходило всё дальше в непролазные леса. Настала зима. Глубокий снег сковывал движение конницы, но русские неотступно следовали за казанцами, преодолевая лесные завалы, разбивая засады врага, мужественно перенося лишения.

Без тёплых ночлегов, впроголодь, питаясь кониной, продолжали крепкие воеводы преследование казанской рати. Уже десять тысяч казанцев полегло в боях, уже зашли они за реку Уржум и за реку Мет, за большие леса, дошли до Урала – не отставал Курбский с товарищами.

И видя впереди Сибирь, а за спиной московских ратников несказанное мужество, покорились казанские князья, принесли клятву-шерть Русскому государству. За ними усмирилась вскоре и вся Казанская земля. Только марийцы, что взяли себе хана от Ногайской орды, собрали около двадцати тысяч войска и ещё воевали два года, но и с ними удалось, наконец, помириться^[9].

* * *

Трудное было время, но всего опаснее оказались метаморфозы, тихо и поначалу незаметно происходившие при дворе.

«Нет, – думал Андрей Михайлович, – царь не смог бы уехать из Казани и бросить на полпути начатое великое дело, если бы не подговаривали его втихаря приближенные, искавшие личной выгоды. Вот оно, первое преступление человекоугодников! Немало шептали Ивану на ухо и попы-стяжатели. Недаром после приезда в Москву собрался царь на богомолье в Кириллов, да ещё с женой и младенцем-сыном».

Напрасно отговаривал его мудрый монах-философ Максим Грек, говоря царю так:

– Если и обещался туда ехать в благодарность святому Кириллу за молитву его к Богу, то такие обеты с разумом не согласуются. Почему? Когда ты добывал прегордое и сильное басурманское царство, немало пало храбрых христианских воинов, крепко бившихся за православие. Жёны и дети погибших осиротели, матери их в одиночестве в слезах многих и скорби пребывают. Много лучше тебе, царь, тех пожаловать и устроить, утешая их от бед и скорбей, собрав их всех в царствующем граде, нежели обещанья не по разуму исполнять.

– А Бог, – говорил Максим, – он везде, всюду зрит недреманным оком, также и праведные души святых, с которыми и Кирилл, всё видят с высоты и молятся за всех людей, на земном круге обитающих, особенно за кающихся и обращающихся от беззаконий своих к Богу. Если ты, царь, будешь делать добро людям – здрав будешь и многолетен с женою и сыночком.

Царь же, гордясь и упрямясь, кричал только: «Ехать! Ехать к святому Кириллу!» – так поджигали его властолюбивые и жадные к богатствам монахи!

«Эти сребролюбивые монахи, – думал Андрей Михайлович с горечью, – всегда советуют не по духовному разуму, как обязаны, но старательно прислуживают царю и властям, чтобы заполучить для монастырей земли и богатства, чтобы жить в скверном сладострастии, как свиньи обжираясь или, лучше сказать, в нечистотах валяясь! Не знаю худшего и сквернейшего, чего нельзя было бы сказать об этих “отцах”».

Когда увидел праведный Максим, что царь Иван пренебрегает его советом, то при князе Мстиславском, Алексее Адашеве и других сказал:

– Если, царь, не послушаешь меня, предашь забвению кровь убитых за православие мучеников и пренебрежешь слезами их вдов и сирот, поедешь лишь обогащать монахов – знай тогда, что сын твой умрёт и живым оттуда не вернётся!

Как в цель стрелой, выстрелил дьявол царем в тот монастырь, где епископ был первый приживальщик царева отца, заслуженный клеветник и душегуб, гонитель мысли светской и духовной, сам с позором изгнанный с престола по требованию всего народа московского. Что мог сказать он царю, пришедшему к нему за советом:

– Как мне быть, чтобы хорошо царствовать, а больших и сильных держать в послушании?

– Если хочешь самодержцем быть, – зашептал на ухо Ивану Васильевичу сей подлый доносчик, – не держи в советниках никого умнее себя, поскольку ты сам лучше всех. Так будешь твёрд на царстве и всех будешь иметь в своих руках. Если же приблизишь тех, кто мудрее тебя, – поневоле будешь послушен им!

Так сказал лукавый старец, и с тех пор звучали в голове царя слова: «Ты лучше всех, и не нужно тебе никого мудрого». Словно бы сказал враг рода человеческого: «Потому что равен ты Богу».

Отсюда началось горе Святорусской земле, думал князь Курбский, потому что царь уверился, будто лишь он один знает правду и отвечает за своих рабов перед высшим судом. Каждый же человек в его многонародном царстве – холоп, лишённый свободы воли. Поэтому всякая душа живая, имеющая честь и ум, стала врагом царя смертельным.

Забыл царь Иван, что самодержец, который почтен царством, а дарований от Бога не получил, должен искать доброго и полезного совета не только у советников, но и у всенародных людей. Потому что дар духа даётся не по богатству внешнему и не по силе царства, но по правости душевной. Не смотрит Бог на силу и гордость, но по правде сердца и доброй воле даёт дары человеку.

Забыл царь, что человек не зверь, живущий по принуждению природы и управляющийся инстинктом, человек правится помыслом и рассудком, умом и волей. Подавить его волю, отнять ум – значит убить человека и оставить скота. Многие пытались это сделать, и обломки государств отмечают их путь. За что же на Русской земле загорелся столь жестокий пожар, что и говорить о нём словами невозможно?

Злой советник тот, Вассиан Топорков, как настоящей секирой, уничтожил ненавидимый им благородный и славный народ. Не только знатных и могучих, но множество воинов и простых людей бесчисленно царь уже предал различной смерти и не прекращает зверства!

Правда, не сразу и тогда злодейский умысел на Святорусскую землю начал воплощаться. Как бы предупреждая царя, постигли его несчастья^[10]. Умер, по пророчеству Максима-философа, малолетний сын Ивана, не вернулся он из того паломничества. Разгорелись бои в Казани, напал на Русь крымский хан, развоевались марийцы. Тогда же началась Ливонская война. Царю были вновь очень нужны опытные полководцы.

* * *

Зимой 1558 года русские войска клещами с огромным размахом, из Пскова и Ивангорода, устремились в земли Ливонского ордена. Ратоборцы шли настороженно. Сам царь Иван, вздумавший наказать Орден за нарушение мирного договора, не знал точно сил некогда могучих и славных на всю Европу рыцарей. Первым вступил в Ливонию Сторожевой полк князя Андрея Курбского и Петра Головина.

Ливонские поля покрывал снег, сквозь который прорастали удивительно мощные замки из серых валунов и красного кирпича. Тяжелыми каменными стенами смотрели на пришельцев разбросанные по полям богатые немецкие мызы. Жались к лесам, казалось, хотели скрыться с глаз убогие поселения эстонских крестьян.

Полк Курбского быстро двигался вперед, готовый к жестокому бою с рыцарством. Скинутые с правого плеча шубы всадников развевались за спинами, как плащи древних богатырей, открывая придвинутые к бедру колчаны с длинными стрелами, хлопая по крупам добрых коней.

Неприятеля не было. Без малейшего сопротивления, как раскаленный нож в масло, входил полк почти на сто верст вглубь Ордена.

Сначала казалось, что рыцари не успели опомниться. По утренней заре ратники прыгали с седел на пугающие своей крепостью стены мыз и находили жирных немцев прямо в постелях. Днем хозяева отвыкшими от оружия руками не успевали наложить тяжёлые засовы на ворота, как конники гарцевали уже на мызных дворах. Вечером рыцари были смелее и пьянее, случайная пуля могла ударить в коня или всадника.

Но организованного сопротивления не было. Хозяева мыз хотели, казалось, только одного – бежать, хоть бы и пешком, в ближайший замок. Там, где проходил полк, дорога скоро заполнялась серыми сермягами крестьян, шедших к мызам. Ночью небо позади полка освещалось пожарами: загорались давно оставленные позади богатые дворы.

Неделю за неделей замысловато маневрировали воины Курбского и Головина, «змейкой» захватывая район на сто верст поперек, обходя мощные замки, из которых не раздавалось ни единого выстрела. Казалось, что рыцари готовились к какой-то другой битве.

Лишь однажды отряд тяжёлых латников на закованных в сталь конях ударил из замковых ворот в бок проезжавшему мимо полку. Но не нашли длинные рыцарские копья с цветастыми вымпелами целей в плотных рядах полка: рассыпалась веером его середина, а из головы и хвоста колонны уже скакали воеводы с сотнями, отрезая нападавшим дорогу назад. Над редкими хлопками выстрелов запели высокими голосами стрелы, находя изъяны в работе немецких оружейников. Столкнулись, высекая голубые искры, длинные вертела рыцарских мечей с широкими русскими саблями. Полегли в снег окружённые рыцари, слыша надсадный скрип поднимаемых цепями ворот замка.

Так и не узнали, погорячившись, русские, почему эти рыцари оказались смелее других. А пожары уже вспыхивали и впереди полка, сжигая немецкие гнёзда со всем добром. Воеводы привыкали доверять эстам, знаками приглашавшим на неизвестные дороги, которые приводили посланные сотни к новым тяжёлокаменным мызам, хотя и удивлялись такому ливонскому междоусобству.

Пройдя около ста пятидесяти верст по широкой дуге, выгнутой от границы, Сторожевой полк вышел в район между Ивангородом и Гдовом. Тем временем армия, ходившая от Ивангорода, повоевала земли вдоль Финского залива аж до самой Колывани³: Орден везде уходил от боя, а потом запросил мира.

³ Колывань, датско-немецкий Ревель – современный г. Таллинн в Эстонии.

И мир был дан. Воеводы получили приказ вложить сабли в ножны на полгода. Тогда-то немцы вновь возгордились и злобность свою природную выдали. Пока города Рига, Ревель и Дерпт собирали посольство и дары царю, желая договориться миром, вельможные и гордые немцы в Нарве, ужравшись и упившись, пошли бить из пушек по Ивангороду. Ядрами и летевшим от стен камнем убили немцы немало люда христианского с жёнами и детками, три дня палили из пушек и на самый день Христова Воскресения не унялись.

Русские собрались в Ивангород с двух новгородских пятин, к тому же и большие пушки на стены притащили, а под стенами мортиры поставили. Видя, что немцы в перемирие не унимаются, ударили ивангородцы по стенам и палатам рыцарскими ядрами, накрыли Нарву валунами каменными из мортир, так что только щебень полетел.

Тогда немцы, от войны отвыкшие, жившие много лет в покое, гордость свою отложив, опять выпросили себе перемирие, а тем временем послали к магистру Ордена своего за помощью, велели ему сказать:

– Если не дадите помощи, мы такой великой стрельбы не сможем вытерпеть: сдадим русским город и крепость Нарву!

Магистр прислал в Нарву четыре тысячи воинов, конных и пеших. Да только старания его были напрасны.

Впали немцы в великое пьянство и в кураже нечаянно город свой подожгли, а когда разгорелось пламя – бежали от пожара в замок. Увидали ивангородские жители, что стены Нарвы пусты – тотчас поплыли через реку, кто на лодках, кто на досках, а кто, оторвав собственные ворота, на них поплыл. За жителями ринулись в реку воины, начальников своих не слушая. И всем скопом вышибли ворота железные, разломали стены каменные, ворвались в Нарву. Над городом выла буря весенняя, раздувая великое пламя и гоня его на крепость.

Русские побежали среди огня по улицам, сразились с немцами у ворот замка. Крепко бились рыцари и кнехты, в тяжкие латы закованные. Два часа пытались выбить ивангородцев. Но русские развернули пушки, что стояли над воротами Нарвы, и стали из них немцев потчевать. Потом подоспели стрельцы с воеводами, дружно ударили из пищалей и неприятеля в замок втиснули.

В замке стало немцам так тесно и жарко, что пошли они на переговоры, решили Нарву сдать. Кто хотел – того отпустили с оружием, что при бедрах, а большая часть осталась в своих домах. Русские помогли им потушить пожар, Москва пожаловала право беспошлинной торговли по всей Руси и свободный купеческий путь в Германию. Довольны были нарвские купцы, орденские же рыцари убрались восвояси, ругаясь и грозясь дать Москве великий бой.

* * *

С этих пор началась уже настоящая война. Пошёл князь Курбский от Пскова по разведанному пути с Передовым полком, с кавалерией и стрельцами, а за ним с Большим полком Пётр Иванович Шуйский. Они окружили сильную крепость Нейгаузен (ныне Вастселийна), и с их приходом воодушевились местные крестьяне, восстала на рыцарей вся Эстонская и Латвийская земля.

Как от страшного землетрясения, зашаталось утвержденное мечом владычество Ордена, рвал народ вековые цепи. Великий магистр Фюрстенберг сзывал под свое знамя могучие некогда полки, но не все рыцари пробивались по дорогам через крестьянские засады, много господ ложилось под топорами бывших рабов.

Били русские пушки в стены Нейгаузена – гром катился по всей Ливонии. От одной сотни храбрых казанцев бежали из своих владений большие рыцарские отряды, трепеща всеобщего восстания крестьян. Сам магистр пяти миль не дошёл до Нейгаузена и залег, око-

павшись, среди рек и болот утратил страх перед прямой бой. Тверды были стены немецкие, но в три недели проломили их пушки Шуйского и Курбского. Город пал.

Задрожало немецкое рыцарство пуше прежнего. Побежал магистр в Венден (ныне Цесис), а друг его епископ юрьевский к себе в Дерпт, да не добежали. Всюду успели русские воеводы: пока Шуйский и пришедший к нему Василий Иванович Серебряный гнали магистра, добывая орденские отряды по левой руке, настиг Курбский епископово войско и поразил. Едва с несколькими рыцарями утёк епископ в свой город.

Мощными стенами окружен был древний город Дерпт (он же Тарту и Юрьев-Ливонский). Две тысячи наемных заморских немцев берегли в нем власть епископа и бились с русскими крепко. Окружив город плотным кольцом, закопались в землю воины Курбского, постепенно придвигая свои батареи к стенам. Немцы отвечали жестокой пушечной пальбой и частыми вылазками. «Воистину, – думал князь Андрей Михайлович, – они сражались достойно рыцарских правил». Но русские пушки разбили стену, а мортиры нанесли немцам немалый урон, накрывая их камнями и бомбами.

Горожане во главе с бургомистром потребовали от епископа сдаться. Не желая лишних жертв, русские выпустили епископа в его аббатство. Кто хотел – мог покинуть город, оставшиеся сохраняли свое имущество, права и самоуправление, получая те же привилегии в торговле, что и жители Нарвы.

Милость русского военного командования оказалась лучшей политикой. Когда наступили морозы и Курбский с товарищами собирался в Москву, почти двадцать городов перешли на сторону Руси и приняли русские гарнизоны. За один год Ливонский орден был разгромлен. Ликованием народа и звоном колоколов встречала столица воевод, вернувшихся с великой и славной победой^[11].

* * *

«Крепко то государство, – думал Курбский, – где есть мужественные и мудрые воеводы. В самый тяжёлый час оно страшно своим врагам». Той зимой 1559 года готовила Крымская орда на Русь жестокий поход. Сто тысяч ордынцев залегли в Диком поле у рубежа, замышляя пожечь все пограничье: Рязань, Тулу и Каширу. На свое счастье, поимали татары на Красивой Мече казаков, промышлявших рыбу и бобра, довелись вовремя, что стоит в Туле Андрей Михайлович Курбский, на Рязани точит саблю Пётр Иванович Шуйский, в Калуге вываживает коней Михаил Иванович Воротынский, в Белёве крутит ус отважный князь Даниил Вишневецкий...

Охнули хором царевичи Махмет-Гирей и Ахмат, возблагодарили своего басурманского бога за спасение и поспешили удалиться от русских границ без боя. Но не удалось царевичам отступить с достоинством: гнал их Воротынский сломя голову по лютому морозу и глубоким снегам до Северского Донца, так что вся сакма была павшими конями и верблюдами усеяна, а напоследок ещё с десятков зимовищ попленил и погубил. Едва ушли царевичи с великой тщетой и срамом в Крым.

В том же году летом, когда ходил Даниил Вишневецкий на Азов и Керчь, а Даниил Адашев высадился с воинством в Крыму, командовал Курбский на юге полком Правой руки, хранил Калугу и Мценск. А когда в следующем году развоевались рыцари в Ливонии, царь Иван вызвал Андрея Михайловича для личной беседы.

Царь был в расстройстве и страхе, казалось Курбскому, из-за поражений отдельных воевод и гарнизонов в Лифляндии, где коадьютор (заместитель) великого магистра Готгард Кеттлер предался во власть польского короля Сигизмунда, а эзельский епископ – под покровительство датского короля Фридриха II. Но поражения не умаляли замечательных успехов воевод Ивана Мстиславского и Петра Шуйского, которые взяли крепость Тирзен

(ныне Тирса), совершили рейд к Риге и зашли далеко на запад за Митаву (ныне Елгава), благополучно вернувшись затем в Опочку. В феврале 1560 года Иван Фёдорович Мстиславский, Пётр Иванович Шуйский и Василий Семёнович Серебряный исключительно воинским искусством, без присутствия этой войне кровопролития, взяли очень хорошо укрепленный старинный город Мариенбург (ныне Алуксне), что в восточной Латвии.

Царю Ивану везде виделись неудачи, везде чудилась измена. Он говорил Курбскому, что у всего воинства вырос страх перед немцем, потому что неискусные и непривычные к военному делу воеводы понесли множество поражений не только от равных по численности полков, но и от малых отрядов, обращавших превосходящие силы русских в бегство.

– Воеводы-беглецы вынуждают меня, – говорил Иван Васильевич князю, приведя его к себе в опочивальню и обнимая за плечи, – или самому идти в Ливонию, или тебя, любимого моего советника и полководца, туда послать, чтобы вновь обрело мое воинство храбрость. Тебе помогает Бог, потому иди и послужи мне верно!

* * *

Окрыленный этим напутствием, Андрей Михайлович прибыл в Дерпт ранней весной и, не дожидаясь подхода главных полков, открыл военные действия. Конница Курбского неожиданно объявилась под Вейсенштейном (ныне Пайда), где разгромила рыцарский отряд и взяла пленных. Продолжая разведку боем, князь приблизился к Ревелю и вызвал на себя немецкий полк. Немцы вновь были наголову разбиты.

По показаниям пленных князь установил расположение главной армии магистра Фюрстенберга. Крупные силы рыцарской конницы и пять полков солдат-ландскнехтов стояли на широкой равнине в направлении сильнейшей крепости Ливонии – Феллина (ныне Вильянди). Со стороны, где шло наступление русских, армия магистра была прикрыта обширным и почти непроходимым болотом. Отсюда их не ждали.

Курбский верил эстонцам. Те говорили, что магистр стоит посреди равнины, примерно в трех милях от кромки болота. За его спиной позиция укреплена рекой с топкими берегами, через которую есть только один мост. Конницы у Фюрстенберга четыре тяжёлых полка, пехоты с копьями и мушкетами – пять. Сильная артиллерия, причём есть новейшие пушки, добытые за большие деньги у Ганзейского союза.

Обход болота отнимал время и выдавал манёвр, который должен был совершаться в виду рыцарских замков. Магистр до сих пор не принимал сражения и легко мог уйти, разрушив за собой мост. Надо было форсировать болото. Проводники-эстонцы с жаром доказывали, что могут провести по тайной тропе всю кавалерию.

Ранним утром громкие крики куликов, казалось, оповещали весь мир о присутствии людей на болоте. Легкий Передовой полк князя Петра Ивановича Горенского бесконечной вереницей уходил по невидимой тропе в болотный туман. Хлюпанье грязи под копытами отдавалось громом в ушах Андрея Михайловича. Заметь переправу немецкий разъезд, придвинь магистр свои полки к краю болота – немцы могли бы перестрелять, как куропаток, втрое большее войско, чем пятитысячный отряд Курбского. Но пока всё было тихо.

К полудню вернулись разведчики-эсты. Горенский закрепился в версте от болота. Разъездов не высылают. От немцев движения нет. Вытирая катящийся из-под шлема пот, Андрей Михайлович приказал начать переправу главных сил. После многочасового перехода сотня за сотней выходила из болота на твердую землю. Немцы и сейчас могли попытаться смять заслон, прижать русскую конницу к болоту и расстрелять её из мушкетов своей сильной пехоты. «Магистр, – думал Курбский, – уже должен был знать о переправе».

К вечеру, когда последний конник с хлюпаньем выдернулся из болотной жижи, стало известно, что Орден в боевом порядке выстроился на широкой равнине, удобной для рыцар-

ской атаки. Магистр и командоры, как и надеялся Андрей Михайлович, были слишком заносчивы, чтобы начать битву в предболотных перелесках и зарослях кустов, где исход сражения решили бы кнехты.

«Ну погодите, – говорил про себя князь воевода, – увидите, как Бог карает гордость паче разума!»

Курбский твердо решил не давать рыцарям того боя, которого они ждут. Ничего подобного Ледовому побоищу и Грюнвальду не будет! Вперёд, проламываясь сквозь заросли, пошел Передовой полк князя Горенского, а остальным воинам было приказано расседлывать коней и дать им часовой отдых. Обозные развязывали лошадиные тюки, доставая сухой харч. Войско пошло к сражению на закате.

Передовой полк столкнулся с неприятелем в полночь. Яркая луна освещала равнину. «Там, близ моря, ночи бывают светлы, как нигде», – думал князь Андрей Михайлович. Мертвенный свет скользил по латам тяжёлых рыцарских полков, море фитильных огоньков обозначало батальоны ландскнехтов, красные точки пальников выдавали позиции артиллерии. На отдаленном пригорке повисло над полем знамя Ордена, вокруг которого блестели острия копий свиты магистра.

Опережаемые громом копыт, чёрной тенью летели на шлемоблещущих немцев покрытые болотным илом всадники Петра Горенского. На холмике близ магистра медленно поднимались к луне золотые трубы, дрогнули и опустились. Перед рыцарскими полками не было плотного тела неприятельского войска, которое надо было пробить копьями, рассечь, рвать на части, топтать шипастыми подковами. Лишь тень клубилась тучей пыли и летела уже вдоль фронта. Ничего не видя сквозь низко опущенные забрала, рыцари хватались неуклюжими толстыми перчатками за крючки и винты шлемов, перекладывали поперек седел копыта и тянулись к приседельным ольстрам за большими пистулями.

Вдруг, словно какой-то великан дернул басовую струну небесной арфы, в копытный бой вплелся новый низкий звук тугих тетив, прорезанный резким шорохом и свистом густо летящих длинных стрел. Как град, со звоном и стуком ударили стрелы по плотным немецким полкам, слетаясь на блеск шлемов и огоньки фитилей.

Взревели трубы на магистровом пригорке, и по их указу батальон за батальоном кнехтов стал взрываться мушкетной пальбой, брызнули огнями выстрелов рыцарские полки, заглушили всё грохотом пушки.

Раз за разом, в поте лица заряжая оружие, палили в мелькающие тени ослепленные вспышками немцы, получая в лицо убийственные стрелы. Уже полтора часа продолжалась битва с тенью, и, казалось, вся орденская армия вопит в ярости и боли, пробитая толстыми ясеневыми древками.

Вот сорвался без приказа и бросился по прямой, казалось ему, линии рыцарский полк; за ним пропал в ночи, оставив вместо себя кричащих раненых и холмики людских и конских трупов, второй, третий. Не доставая остриями копий врага, тяжёло топчущие рыцарские массы вычерчивали в ночи странные кривые, теряя людей, но ещё не распадаясь.

Со страшным громом столкнулись на пересекшихся линиях два рыцарских полка, их середины навалились на передних, желая достать врага мечом, а задние продолжали падать под саблями русских. В погоне за неуловимыми тенью рассыпался в разные стороны и третий полк, и уже по всему лунному пространству равнины завертелась круговерть коней и всадников, походя сминая и рассеивая ряды кнехтов.

Нервным рёвом труб старый магистр Фюрстенберг удержал, стянул к себе строй последнего рыцарского полка, истово молясь о победе над москвитями в этом свальном бою. А всадникам Петра Ивановича Горенского уже приходилось туго среди многочисленных рыцарей и кнехтов, уже негде было оторваться от преследования, и всё чаще сталки-

вало их лицом к лицу с тяжёловооруженными немцами. Но не оставили их соратники без подмоги.

С рёвом и свистом пришел в движение весь узкий лунный горизонт на востоке. Как туча, взметнувшись, поднимаясь все выше в небо, пыль над полками русской конницы, как лес молний, сверкнули в ней клинки. Не выдал своих магистр, бросил вперед последний полк, но тот потерял скорость и силу среди крутящихся всадников, расстроив ряды, сшибся с русской лавой, затрещал под тяжёлыми саблями и стал уступать.

Настало время лютой сечи. Воины Курбского напирали, орденских же воинов охватил ужас. Сначала бежали они по одному врассыпную, потом побежали группами, потом сбили русские немцев с поля и устремились в погоню, скача по телам храбрейших защитников Ордена, хватая в плен отвыкших от ратного дела рыцарей, развращенных ленью и пьянством.

Одной из первых групп беглецов была свита магистра, тащившая с собой старого Фюрстенберга, обезумевшего от позора. Эти резво проскочили по мосту и ушли по дороге на Феллин. Но под напором скакавших сзади рыцарей мост проломился и рухнул в реку.

Пролом проглатывал всё новые и новые толпы конных, мгновенно погружавшихся на дно. Даже герои, способные плавать в тяжёлых латах, пропадали, не в силах преодолеть прибрежные трясины. Немногие в предрассветной тьме сумели опомниться и остановиться. На коленях они просили о милости русских, которые, сняв шлемы, взирали на место страшной трагедии, где в водовороте крутилось одинокое страусиное перо.

Потрясенные нечаянной смертью врагов, возвращались русские воины на место побоища. Пар валил от их ватников и суконных подлатных кафтанов, кровь и пот ручейками стекали из-под шлемов по лицам, отливая червонным золотом в первых лучах восходящего солнца.

Когда светило засияло в небе, утомленный конь вынес Андрея Михайловича на магистров холмик, как саваном покрытый срубленным и втоптаным в грязь знаменем Ордена. Отсюда, насколько хватало глаз, равнина была покрыта трупами коней и людей, людей, людей...

Резкий крик с равнины заставил вздрогнуть усталого воеводу. Один, два, три – огромная масса «трупов» начала вставать. Быстро оцепившие поле конники выгоняли из хлебов и поднимали древками копий с земли целые толпы кнехтов, вовремя понявших бессмысленность своего участия в кошмарной ночной битве и либо схоронившихся, либо просто притворившихся на время мёртвыми, надеясь если не сбежать, то уж по крайней мере не попасть под горячую руку.

Пять полков пехоты, пострадавшей от стрел и конских копыт, были взяты в плен. К ним присоединили сто семьдесят знатнейших рыцарей с их отрядами и свитой. Войско Курбского потеряло около двухсот бойцов, включая шестнадцать дворян.

Избрав более длинную, но на этот раз хорошую дорогу, князь с войском и пленными пришел в Дерпт. Подлечив раны и влив в свои ряды около двух тысяч охотников, через десять дней ратоборцы выступили в новый поход: на Феллин, где укрылся магистр. Быстро, перехватывая дороги, войско достигло Феллина и засело в указанном эстами лесу.

Передовой отряд князя Ивана Золотого с ходу ворвался на улицы города и промчался, рубя встречных и поперечных, чуть ли не до ворот замка. Натурально изобразив грабителей и устроив пожар, ратники князя Ивана отступили, выманивая на себя неприятелей. Фюрстенберг и все вооруженные немцы, горя мщением, вскочили на коней и беспорядочной толпой погнались за Иваном Золотым. Старый магистр сумел вырваться из засады только потому, что оказался в самом хвосте немецкой погони.

Той весной Курбский почти не сходил с седла и имел ещё семь или восемь боев с неприятелем. «Но к чему вспоминать, – думал он, – когда и так хорошо знаю, что ни малейший

подвиг российских воинов не будет в забвении. Велика честь сражаться за Отечество, и умереть за него – прекрасная доля!»

* * *

Стоя перед темной бойницей юрьевского замка и глядя в сырую ночь, Андрей Михайлович вспомнил вдруг своего давнего неприятеля, ливонского ландсмаршала Филиппа Шалль фон Белля. Сильно надеялось рыцарство на этого сурового, мужественного воина, смело сражавшегося с отрядами Курбского. Умный и образованный человек, Филипп видел крушение государства своих предков, но оставался непоколебимо предан Отечеству.

Жарким для Прибалтики летом 1560 года тридцать тысяч конных воинов и десять тысяч русских стрельцов сошлись в Юрьеве под командой Ивана Фёдоровича Мстиславского и Петра Ивановича Шуйского. Сорок тяжёлых стенобитных орудий везли они с собой и пятьдесят пушек, которыми сбивают неприятеля со стен, самой малой из них длина была в полторы сажени (1 сажень равна 2,13 м).

Передовым полком командовал князь Курбский. Когда собралось воинство и распределены были ему начальники, выступила русская сила на град Феллин – сильнейшую ливонскую крепость, где засел магистр. Этим походом воеводы желали покончить с войной.

По сведениям разведки, магистр готовил отступление на берег Балтики, надеясь как следует укрепиться в Хаапсале. Чтобы перерезать ему дорогу, двенадцатитысячный конный корпус обошёл Феллин и совершил рейд до Пярну. Андрею Михайловичу было доверено доставить к месту артиллерию.

Погрузив её на суда, Курбский прошел вверх рекою Эмайыги, затем озером Вырсярви, на берегу которого, уже недалеко от Феллина, стал ставить орудия на подводки. Основная армия широким потоком устремлялась к Феллину, прикрываясь по сторонам разъездами.

Воеводы не ждали нападения, зная незначительность сил, оставшихся в распоряжении Шалль фон Белля. Но и тот, привыкший встречать легкие отряды Курбского, не представлял истинной численности противника.

Перед полуднем 2 августа 1560 года, выйдя из замка Эрмис, ландсмаршал атаковал остановившуюся на отдых русскую колонну. Пятьсот немецких рейтар при поддержке мушкетерской пехоты сбили боевое охранение и дошли до обоза.

Пока одна колонна вела бой, воеводы с помощью отлично знавших местность проводников-эстонцев совершили обход через лес и ударили по немцам одновременно со всех сторон, так что едва несколько человек спаслись от смерти и плена.

Храбрый Филипп, знаменитый в своем народе ратоборец, действительно последний защитник и надежда Ливонского ордена, был сбит с коня и взят в плен оруженосцем Алексея Адашева. Видя это, одиннадцать комтуров (хранителей рыцарских замков) и сто двадцать немецких дворян, не считая кнехтов, предали себя в руки победителей. Не задерживаясь на поле битвы, русские войска быстро окружили Феллин.

Прежде чем перейти к решительным действиям под городом, воеводы собрались, чтобы, как заведено, допросить пленного ландсмаршала о некоторых предметах. Светлое и веселое лицо Шалль фон Белля, который, нимало не ужасаясь, дерзко заговорил с воеводами, поразило этих мужественных и видавших виды людей. Филипп был не только храбр, но и красноречив, умен, обладал прекрасной памятью. Уважая смелого врага, воеводы отказались от мысли пыткой вырвать у него военные сведения. Пленного приказали развязать и усадили за общий стол, воздавая ему заслуженные почести.

Из разговоров с Шалль фон Беллем особенно врезался в память Курбского именно тот, первый, когда ландсмаршал говорил об истории крестовых походов, продолжаемых ныне в Латинской Америке Испанией и Португалией. Он рассказывал, как строились Рига и Ревель,

как много лет покоряли и христианизировали рыцари весьма упорные дикие племена Прибалтики, которые теперь вновь восстали и благодаря русским одерживают победу за победой. Смелый пленник говорил о крепости духа рыцарей, которые только в битве с великим князем литовским Витовтом выставили одного за другим шесть магистров, один за другим погибавших в сече. Даже в боях с русским полководцем Даниилом Щеней, несмотря на великие потери, Орден выстоял и сохранил большую часть своего достояния.

– Ныне же, – продолжал ландсмаршал, – чаша наших преступлений исполнилась и гибель наша видна. Прародители построили нам грады высокие и крепости твердые, дворцы и здания светлые – вы входите в них, не трудившись и не неся расходов. Наслаждаетесь вы нашими садами и виноградниками, домами и удобствами, которые не садили и не строили. Да что говорить о вас, добывших все это, как вы полагаете, мечом! Другие и без меча, ничуть не потрудившись, завладели нашим богатством, пообещав нам защиту и помощь. Видите, какова их помощь, если стоим мы здесь связанные перед врагами!

Слезы видны были на глазах Филиппа, когда говорил он о жестокостях Ордена, которым был свидетель и за которые Бог отдал Ливонию в чужие руки. Плакал ландсмаршал о разорении милой родины, так, что и слушатели его прослезились. А после, утерев глаза, вновь сказал он со светлым лицом: «Все же благодарю я Бога и радуюсь, что попал в плен и что страдаю за Отечество. Хотя придется умереть мне за него, поистине дорога и желанна будет мне эта смерть!»

С почетом проводили воеводы пленника под стражей в Москву и в общем послании много молили царя Ивана Васильевича не губить этого умного и честного человека. Воеводы писали, что, хорошо приняв маршала и сделав его другом Руси, можно всю Ливонию с ним взять, потому что ливонские немцы глядели на него, как на отца. Царь же, становясь всё более лютым и бесчеловечным, услышав прямое правдивое слово Филиппа, разгорелся гневом и немедленно повелел умертвить его, зверским образом запытав «для примера».

* * *

Война между тем шла своим чередом. Пока тяжёлые полки обложили Феллин и, вырыв шанцы, обстреливали крепость из больших орудий, Курбский снова отправился в дальний поход. По сведениям разведки, против русских войск в Ливонии выступил гетман Иероним Ходкевич. Избранный на место Шалль фон Белля ливонский ландсмаршал ждал соединения с литовской ратью под крепостью Вольмар, сзывая под своё знамя рыцарство.

Не давая неприятелям соединиться, легкий Передовой полк Андрея Михайловича стремительными переходами вышел к Вольмару. Трудность состояла в том, чтобы не дать ландсмаршалу запереться в крепости. И здесь восставшие крестьяне оказали русским неоценимую помощь. Конница Курбского скрытно, лесами вышла к немецкому лагерю и неожиданно обрушилась на неприятеля. В ожесточенной схватке воевода насмерть поразил ландсмаршала. Начавшаяся среди рыцарей паника облегчила победу; прорвавшиеся рыцари попали в руки своих крестьян.

Опережая вести об этом разгроме, Передовой полк поскакал к Вендену (ныне Цесис). Благодаря симпатии местных жителей Андрей Михайлович точно знал местонахождение литовских полков, расположившихся, для лучшего снабжения, на трёх разных стоянках. Впервые предстояло Курбскому сразиться с прославленной литовской конницей, уже несколько веков по праву считавшейся одной из лучших кавалерий Европы.

Захватить неприятеля врасплох не удалось. Из-за небольшой рощицы, скрывавшей от глаз литовский лагерь, на атакующий центр Передового полка стремительно летела лавина всадников на высоких тонконогих конях, в лихо заломленных меховых шапках. Длиннопольные кафтаны, легкие кирасы или чешуйчатые нагрудники резко отличали их от ливонцев.

Конники стремительно сближались. На русских наплывали уставленные торчком бороды и грозно шевелящиеся усы, литовские лёгкие клинки ласточками летали над лавой.

Глубок был русский строй, о который могла разбиться и стальная рыцарская свинья. И все же большая часть литовцев пролетела его насквозь, оставляя за собой рассеченные толстые тягиля и проколотые кольчуги. Ещё валились с коней дворяне и военные холопы, ещё не остановили свой разбег передние, оказавшиеся перед чистым полем ряды московских ратников, как литовцы вновь сбились в лаву и ударили в другой раз. Курбский едва успел собрать вокруг себя лучших бойцов, которые развернули коней, чтобы принять своим ударом литовцев и дать опомниться проскакавшим дальше воинам. Князь сумел достать открытый бок лишь одного из супостатов, а на крепкой броне ощутил три мощных удара. С таким противником шутить не следовало.

Однако не помогло мужество литовцам, которые, пробившись, могли уйти, но предпочли продолжить сечу. Немало и у них храбрых полегло в первой схватке. Когда же прорубили они себе дорогу во второй раз, выскочили на них свежие отряды князей Горенского и Золотого, давно посланные Курбским окружить неприятельский лагерь. Смелость завела литовцев в мешок, вырвались из которого немногие. Сам полковник, который только что вел людей в бой, валялся в истоптанном поле проколотый саблею.

А Курбский уже поспешал к другому литовскому лагерю. И вновь закипела сеча. Но теперь передовой отряд заманил неприятеля на узкую лесную дорогу. Понесли потери храбрые воины князя Ивана Золотого – трудно было уйти от лихой литовской погони. Однако стиснуты были легкие литовские конники в лесных буераках, полили вековой мох своей молодой кровью. Пробитый стрелой, пал второй литовский полковник.

Перевязав раны, наточив широкие сабли, наутро ударили ратники Курбского на третий литовский полк. Не поддался старый полковник гетмана Ходкевича на хитрости, укротил безумную отвагу своих храбрецов, стал с боями отходить к Риге. Больше половины пути одолел бывалый вояка да попал в крестьянскую засаду. Думал её промахнуть с ходу, не считая холопов за воинов, но остался лежать на лесной засеке с топором в черепе. До самой Риги гнали русские конники остатки литовских полков, едва столько неприятелей ушло, чтобы гетману вести принести. По всей Латвии полыхало тогда крестьянское восстание.

Слыша о поражении полководцев своих, ужаснулся Иероним Ходкевич, пошёл самым скорым маршем из Лифляндской земли аж за Западную Двину, реку великую, скрылся от неистового воеводы князя Андрея Михайловича. Тот же, постояв под Венденом и разослав свои отряды на десятки вёрст в стороны, победителем возвратился к Феллину.

Стенобойные орудия уже проломили внешние укрепления города. Немцы упорно сопротивлялись. Тогда воеводы решили обстреливать Феллин ночью огненными ядрами и зажигательными бомбами. Одно огненное ядро пушкари сумели вогнать в купол большого храма. От этого и других попаданий в городе начался пожар. Кнехты магистра взбунтовались, не желая более сражаться. Начались переговоры. По решению русских воевод солдатам и городским жителям был разрешен свободный выход из Феллина. Остающиеся в городе полностью сохраняли свои права и имущество. Только магистр должен был сдаться и отправился в Москву, где получил от царя в кормление один из московских городов. Русские войска вошли в Феллин и быстро погасили пожары.

После капитуляции магистра воеводы воочию убедились, сколь могучим оружием является справедливость победителей и милость к побежденным. Если бы не мягкие условия сдачи, если бы немцы не убеждались многократно в честности русских обещаний, взятие города могло превратиться в настоящую бойню.

За первой, пробитой пушками, стеной стояли ещё три, выстроенные из прочнейшего камня; возле них были сооружены удивительной глубины рвы, облицованные гладким камнем. Восемьдесят крепостных орудий, четыреста пятьдесят больших и малых пушек, мно-

жество запасов... Крепость недаром считалась неприступной. В цитадели не только храм и укрепления, но даже поварня и стойла были покрыты сверху толстыми оловянными плитами.

Вслед за Феллином воеводам сдались сильные крепости Руя, Тарваст и Полчев. Для наступления на Ревель необходимо было взять ещё мощную крепость Вейсенштейн. Её осада затянулась. Войскам требовался отдых. Всеобщее крестьянское восстание лишило ливонских феодалов возможности планомерного сопротивления, но сильно затрудняло снабжение русских войск.

Укрепив гарнизоны завоеванной части Ливонии, воеводы отошли к Дерпту. Они не предполагали, что не смогут развить свой успех и по возвращении в Москву получают не награду, а царский гнев – за то, что не взяли Ревель!^[12]

* * *

«Ни от одной смертоносной язвы, – думал Андрей Михайлович, – не может быть большего мора в царстве, чем от злобных клеветников и доносчиков-сикофантов. Царь не зря допустил их к своим ушам – он сам желал этого, жаждал крови мудрых и мужественных людей, которые защитили Русь от враждебных соседей. Злоба стала расплатой за доброту, жестокость – за преданность, коварство и хитрость – за верную службу.

Ради чего стараются клеветники и мерзавцы в царском совете? Поистине ради того, чтобы злоба их не была изобличена, чтобы они могли невозбранно владеть людьми, извращать суды, вымогать взятки, плодить скверные преступления и умножать свое богатство. Сама добродетель для них – преступление, каждый честный человек представляет для них опасность.

Как же составляют злодеи свою клевету? Перебирая всё, к чему сами расположены и в чем искусны, переносят это на святых и добрых мужей. Достоверно выглядит эта извращённая исповедь подлости, подробности которой честный человек и представить себе не может!

Но и этого мало было клеветникам. Разве отказывались члены Избранной рады предстать перед открытым судом при царе и всем его совете?! Злодеи же убеждали Ивана Васильевича, что если допустит он честных советников и воевод пред свои очи, то победят они злобу и вновь приведут царя на службу Святорусской земле. «Кроме того, – говорили клеветники, – всё войско и народ любят их, оклеветанных, больше, чем самого царя: побьют камнем и тебя, и нас!»

Пока заботились советники и полководцы о государственных интересах, собиралось вокруг царя целое сонмище льстецов, говоривших, что если бы при столь мужественном, храбром и сильном самодержце не было разумных советников, то давно бы завладел он едва ли не всей вселенной. И царь, напившись от окаянных смертоносного яда, смешанного со сладкой лестью, пуще прежнего распалил в душе свое коварство, расширил и укрепил клятвами свой сатанинский полк, вооруженный на невинных, на всех добрых людей, желающих процветания Святорусской земле.

О вы, злодеи, – думал Курбский, – исполненные всякой злобы и лукавства губители своего Отечества! Какую пользу принесёт вам это? Скоро увидите вы, как злоба обрушится и на вас, и на детей ваших! Примете вы злую смерть и услышите вечное проклятие грядущих поколений! Не мог бы тиран один восстать на Святую Русь, но только вместе с вами, несчастные и лукавые губители Отечества, телесоядцы и кровопийцы сродников ваших и единоплеменных! До какой поры будете, на горе родной земле, бесстыдствовать и оправдывать такого человекорастерзателя?!

В воплях стоящих близ трона клеветников и лицемеров потонули призывы порядочных людей сохранить в государстве правый суд. Людей судили теперь заочно!

О, смеха достойный, но бедствиями исполненный суд царя, прельщенного ласкателями, – возмущался князь Курбский, – слыхано ли под солнцем о таком суде без очного говорения? Еще Иоанн Златоуст обличал попытку такого суда вопреки всем правилам, вопреки церковным канонам. Да что говорить о церковных канонах? Такого никогда не бывало ни в языческих судах, ни в варварских царствах, даже скифы и сарматы никогда не решались вести суд, где одна сторона была заочно оклеветана!

Здесь, у христианского государя, такой суд! Такой декрет изготовлен коварным сонмом льстецов на вечной памяти позор для грядущих поколений и на унижение русского народа, потому что в его земле родились эти отродья ехидны! Прогрызли они чрево матери своей, святой Русской земли, что породила и воспитала их на беду свою и опустошение...

Скоро после начала незаконных казней воскурилось гонение великое и разгорелось по Земле Русской пламя лютой. Князь Андрей Михайлович был достаточно хорошо и широко образован, чтобы заметить аналогию между этими событиями и Словом Иоанна Златоуста об Ироде, который сам царство свое сокрушил: всё благочестие, все правила жизни, обычаи, веру, учение – уничтожил и смешал.

Царь Ирод, по словам великого учителя, был тиран гражданам, насильник над воинами, губитель друзей. Русский же царь превзошел его злобой и жестокостью, от которой вострепетали сердца, померкло зрение, притупился ум. Он уничтожает не только друзей – тиран стал врагом всей Святорусской земли, грабителем домов и убийцей сынов.

Воистину такого гонения неслыханного не только в Русской земле, но и у древних языческих царей никогда не бывало! Ведь при этих нечестивых мучителях хватали и мучили тех, кто веровал во Христа и порицал языческих богов; тех же, кто скрывал свою веру в себе, не хватали и не мучили, хотя и было о них известно и были схвачены их родственники.

– А наш новоявленный Зверь первым в истории⁴ начал истреблять сродников тех казненных без суда, и не только родных, жён и малых детей, но и всех, на кого доносили клеветники, – и друзей, и знакомых, и соседей, а то и вовсе незнакомых, оклеветанных ради их богатств и имущества. Многих повелел злодей хватать и мучить разными муками, а ещё большее число – изгонять из домов и с родной земли в дальние ссылки.

– За что царь мучит невинных? За то, что земля возопила о казненных и сосланных праведниках, обличая и проклиная льстецов, соблаздивших царя. Царь же сам телом и душой принадлежит к этому зловещему сонму – и в зверствах погребает истину, оправдывая беззаконие потоками новой крови. В страхе перед Землей велит он мучить – не одного, не двух, но целый народ; и имена невинных, что умерли в муках, множества ради уже перечислить невозможно.

– Не только тела, но сами души убивает Зверь. Он устроил засаду на узком и тернистом пути Правды, дав свободу ходить по широкому и легкому пути Злобы. Не напрасно заведены во дворце частые пиршества с пьянством и несказанным развратом, где подлость упивается огромными чашами до неистовства. Не желающих пить и творить беззакония – заставляют с великими угрозами, крича царю: «Вот такой-то и сякой-то, не желают они веселы быть на пиру твоём, стало быть, тебя и нас осуждают как пьяниц и развратников, лицемерно выставляя себя праведниками. Видно, они недоброжелатели твои, потому что с тобой не согласны и тебя не слушаются. Дух измены в них!» Так метят достойных, грозят им и губят в конце концов разными муками.

Во мраке ночи явилось Андрею Михайловичу грустное лицо Петра Турова, который пришел к князю и рассказал о своём видении. Благородному гостю приснилась его мученическая смерть, и он решил проститься с Курбским, старым боевым товарищем. Через месяц

⁴ Курбский намеренно забывает известную ему историю Древнего Рима.

видение сбылось: Пётр Туров был растерзан по приказу царя, а с ним немало других достойных людей.

– Странно, – думал Курбский, – как долго у царя не поднималась рука на меня, друга его юности и верного спутника в военных делах. Ведь не мог он не знать, что мне противно его поведение и ненавистны незаконные казни! Но до времени доносам почему-то не давалось ходу. Может быть, дело в литовцах, которые в 1561 году лихо нападали на наши крепости в Ливонии, а весной следующего года вторглись с запада на русские земли.

* * *

Горящие села и монастыри в окрестностях Опочки и Себежа, видно, на время образумили царя. Не под топор палача, а в пограничные крепости посланы были прославленные воеводы. Иван Большой-Шереметев – в Смоленск, Пётр Щенятев и Пётр Серебряный – в Дорогобуж, Иван Шуйский – в Холм. Андрей Михайлович укреплял тогда Великие Луки.

Не сговариваясь, воеводы перешли в наступление и ворвались в пределы Литвы. Лёгкий полк Курбского дошел до самого Мстиславля, настиг и разгромил литовское войско.

Победы ли он искал в этих боях? Неведомо. Князь первым бросался в сечу, не оглядываясь даже, сколько поскакало за ним воинов. А у тех страх всё сильнее проникал в души, над которыми витали тени доносов. В пограничной схватке у Невеля с князем оказалось всего несколько бойцов, но он продолжал пробиваться вглубь неприятельского полка. Литовцы отступили, не преследуемые немалой русской ратью, следившей за схваткой, и их командир, Станислав Лезниовольский, представил это своей великой победой. Поле осталось за Курбским, осталась с ним и жизнь, не ушедшая сквозь новые раны.

Воевода отлежался, встал на ноги, и в конце 1562 – начале 1563 года вместе со своим старым другом Петром Щенятевым водил в поход на Полоцк Сторожевой полк. В походе присутствовал царь. Его армия обложила город укреплениями и две недели разрушала стены осадной артиллерией.

Курбский со Щенятевым лишили полоцкий гарнизон надежды на подкрепление. Сторожевой полк совершил глубокий прорыв, доскакав почти до самого Вильно. Воеводы стянули на себя все свободные литовские силы.

Когда Полоцк был уже взят, полк пробился из глубины великого княжества Литовского и соединился с основной армией. Курбский вновь остался жив, но более страшная опасность сгустилась над его головой.

5 марта 1563 года русская армия остановилась в Великих Луках. Здесь, на глазах у военачальников, царю Ивану был сделан гнусный донос на стародубских воевод. Государь без размышлений отдал приказ об аресте князя Василия Фуникова и Василия Шишкина с жёнами и детьми. Все понимали, что это значило, но страх сковал уста полководцев, кроме вступившегося за товарищей князя Андрея Михайловича. Заступничества за обречённых царь Курбскому не простил.

Прямо из Великих Лук, лишенный чести торжественного въезда в Москву, Андрей Михайлович был выслан в Дерпт. Намёк был очевиден. Именно этот пост – наместника в Ливонии – был дан оболганному и заочно осужденному Алексею Адашеву, выдающемуся государственному деятелю, которого даже царь боялся убить открыто, настолько велики были его заслуги и любовь к нему народа. Но Адашев пользовался огромной популярностью в Ливонии, где многие города, веря в его высокую порядочность, захотели покориться без боя.

Чтобы не допустить такого крупного успеха, царь приказал схватить Адашева и тайно держать его под стражей. Здесь, в этом зале, где стоял сейчас Андрей Михайлович, прошли два последних месяца человека, восхищавшего выдающимися дарованиями даже врагов.

На этой дубовой лавке у камина он лежал, охваченный нервной горячкой, здесь он тихо скончался.

Какую радость доставила эта смерть своре царских клеветников и наушников! С азартом они кричали, что Адашев отравился, что он сам признался этим в измене. Жена, дети, друзья, знакомые и просто доброжелатели рухнувшего гиганта были схвачены как соучастники мнимой измены, замучены и растерзаны. Тысячи крестьян поплатились жизнью ни за что. Топором палача в истории Руси навечно высечено было «дело Адашева»^[13].

Курбский не понимал, зачем царь решил сыграть с ним подобную садистскую игру, почему не прикончил сразу. Здесь, в тесном окружении соглядатаев, князь должен был ждать смерти, ежечасно представляя себе, какой кровавый поток откроет новое «дело» – «дело изменника Курбского». А оно уже зрело в воспаленном воображении царя и его своры, обрастая «соучастниками», подробностями обвинений, «остроумными» способами грядущих казней...

* * *

Андрей Михайлович медленно повернулся от бойницы и оглядел взволнованные лица верных ему людей, старых соратников, покрытых множеством шрамов, вынесенных из десятков боевых походов. Царь не сыграет свою игру.

– Едем!

Одно слово сняло беспокойство и мучительные раздумья двенадцати человек. Лица вмиг стали привычно сосредоточенны, как всегда перед боем. Тяжелые шаги загремели под гулкими сводами зала, пискнул на входе убитый кистенем соглядатай. Выкатившаяся на небеса яркая прибалтийская луна осветила летевших из ворот замка всадников с запасными конями в поводу. Копыта гулко прогрохотали по мощеной колотым камнем дороге. Над парившим в лунном свете замком надолго легла тишина. Но вот захлопали двери, завозились у конюшен новые фигуры, и нескоро, неспешно, осторожно выбралась из замковых ворот погоня, крадучись въехала в лес, освещая путь факелами и содрогаюсь от возможности нарваться на саблю неистового князя.

Беспокойство тех, кто выехал ночью 30 апреля 1564 года на поиски Курбского, было напрасным. Не останавливаясь, на ходу меняя коней, Андрей Михайлович пересек границу с великим княжеством Литовским.

Глава 2. Борьба за Русь

Из города Вольмар полетело в Московскую Русь первое обличительное послание против тирана. «Не думай, царь, – писал Курбский, – ... что мы уже погибли, и истреблены тобою без вины, и заточены, и изгнаны несправедливо. И не радуйся этому, словно легкой победой похваляясь. Казнённые тобой взывают об отмщении тебе, заточённые и несправедливо изгнанные тобой из страны – обличаем тебя!»

Вызов, брошенный князем Андреем Михайловичем, произвел такое впечатление на трусливого убийцу, что он должен был на время прервать надругательство над Святорусской землей. Всю жизнь преследовал Ивана Грозного страх перед правдой, что писал в своих письмах на родину князь Курбский. Ответные послания царя предельно обнажали бесчеловечную суть тирании, «людоедства», когда «кто бьёт – лутче, а ково бьют да вяжут – тот хуже».

«Затворил ты царство Русское, свободное естество человеческое, словно в адовой твердыне!» – писал Андрей Михайлович образцовому диктатору, и их спор вышел далеко за рамки XVI столетия.

В «Истории о великом князе Московском» Курбский не просто описал войну тирана против своего народа, но показал, сколь необходимо для неограниченной власти сокращение нравственности, извращение духовных ценностей в интересах одновременно самой мерзостной и самой активной в стремлении к приобщению к власти части общества.

Анатомию террора князь Андрей Михайлович вскрыл с ужасающей ясностью. Его «История» показывает, как оторванный от истоков нравственности юноша с весьма плохой наследственностью неотвратимо превращается в тирана с помощью злых советников, отвергая и убивая всех, кто склонял его к разуму и добродетели.

Высокая нравственность, мудрость, милосердие, воинская доблесть, гражданская честь не нуждаются в пьедесталах. Обладатели этих качеств в чести у любого нормального общества. Другое дело злодеи, способные выдвинуться лишь в обстановке беззакония. Они вынуждены создавать свою среду с извращенной моралью и с собственными бесчеловечными «законами».

Тирания является наилучшим условием процветания «опричнины», изъятой из нормальных человеческих отношений, и наиболее эффективным государственным устройством для борьбы этой злодейской банды с неизбежно отторгающим её гражданским обществом. Чем более развито общество – тем более зверский террор необходим для подчинения его тирану.

В процессе превращения всего лишь «неправедного» царя в «сына Сатаны», апокалиптического «зверя», Грозному пришлось «рассечь жилы» самой «человеческой природе». «Ведь люди, – писал Курбский в “Истории о великом князе Московском”, – в отличие от животных, не принуждаются естеством (природой) и чувством, но управляются разумом и советом».

Царь, хоть и почтен царством, а не получил от Бога какого-либо дарования, должен искать доброго и полезного совета не только у советников, но и у всеродных человек (людей из разных сословий. – *Авт.*), потому что дар духа дается не по богатству внешнему и не по силе царства, но по правоте душевной, ибо не зрит Бог на могущество и гордость – но на правоту сердечную, и даёт дары, сколько кто вместит по доброй воле.

Представитель древней аристократии, Курбский занял достойное его рода место в Речи Посполитой, но не принял идеалов шляхетской республики. Для России князь Андрей Михайлович продолжал считать идеальным государственным устройством сословно-представительную монархию, сформировавшуюся в общих чертах ко времени падения Избран-

ной рады. Именно с её устоями воевали крошечники Ивана Грозного, утверждая в залитой кровью стране самодержавие.

Людям ограниченным и малознающим вольно́ упрекать князя Курбского за «отсталость» его взглядов по сравнению с «цивилизованным миром», с «Европой» – не уточняя, какой именно (Россия целиком находилась тогда в пределах Европы, составляя немалую её часть).

Действительно, князь не признавал не только демократию, но и аристократическую республику, и отнюдь не писал о превосходстве власти законов над властью личности (исключая, конечно, безусловное верховенство «божественных», нравственных законов). Но ведь и знаменитая Великая хартия вольностей была вырвана у короля Иоанна Безземельного натуральными баронами, подобными князю Курбскому (1215). Великое изобилие этих «вольностей» (для магнатов, шляхты и церкви) в Речи Посполитой было чревато постоянными кризисами власти, к середине XVII века привело к крайнему ослаблению страны, а затем и к гибели государства, «поделенного» более сильными соседями в XVIII веке.

Во времена Курбского путь европейских стран в «светлое будущее» пролегал через абсолютизм – личную власть монархов над подданными, обеспечивавшую своего рода баланс интересов сословий (исключая крестьянство) и сохранявшуюся (от покушений аристократии, например) благодаря этому балансу. Сословно-представительные учреждения (парламенты, гражданские магистраты), которым принадлежал следующий шаг на «светлом пути», имели ограниченное значение как совещательные органы и инициаторы общественного настроения.

На глазах Андрея Михайловича бодро «строили» абсолютизм монархи ведущих западных держав: Генрих VIII и Елизавета I Тюдор в Англии, французские короли от Франциска I до Генриха III (последнего в династии Валуа), Карл V и Филипп II в Испании. Более щедры на «вольности» были слабые Габсбурги, правившие в Священной Римской империи германской нации, теснимые нацелившимися на Вену турками.

Медленно, но уверенно шествовали к абсолютизму Дания и Швеция. Избежавшие этого процесса Германия и Италия были разорваны на части и смогли объединиться в рамках национальных государств лишь в XIX веке! Сильное сословное представительство зарождалось во времена Курбского только в Нидерландах, вступивших в кровавую борьбу за независимость вскоре после бегства князя в Литву (1566).

Буржуазная революция в Нидерландах победила много позже смерти князя Андрея Михайловича, так что сомнительно, чтобы тамошние Генеральные штаты могли оказать значительное влияние на его убеждения. Русский опыт князя – с неперiodичными совещательными Земскими соборами, но с широким местным сословным самоуправлением – и без обращения к иноземным достижениям был довольно передовым для политической мысли XVI века.

Даже если предположить, что реализованный на деле идеал Курбского оказался бы ближе к улучшенному идеалу абсолютизма, чем к более поздним сословно-представительным монархиям, на фоне кровавого самодержавия он сияет, как звезда в ночи. Не были убеждения Андрея Михайловича и чисто схоластическими: гражданская война в России начала XVII века отчетливо показала, сколь дороги оказались идеалы сословно-представительной монархии изрядному числу россиян, создавших «Совет всей земли» из выборных представителей народа и основавших на развалинах Московского царства новое государство, названное в 1612 г. Великой Россией.

* * *

Усердным хулителям Курбского логичнее всего было бы обвинить князя в пренебрежении интересами основной части населения России – крестьян. Ведь они пострадали от царя и его кромешников сильнее всего: бо́льшая часть земледельцев была просто-напросто уничтожена. Даже в Московском уезде запустело 84 процента пахотной земли, то есть после опричной резни крестьяне смогли обрабатывать лишь 16 процентов своих прежних полей.

Разумеется, это не говорит о том, что осталось в живых столько же процентов крестьян. Они обнищали, лишились лошадей и орудий, так что средний размер запашки на один крестьянский двор снизился по России с семи-восьми четвертей (четверть – чуть больше половины гектара) до трех-четырех четвертей, то есть вдвое. Немало крестьян ушло на дикие окраины или вообще покинуло страну.

Курбский не писал специально о страданиях крестьян, ставя царю в вину общее «опустошение земли твоей – как от тебя самого с твоими опричниками, так и от помянутого пса басурманского (крымского хана Девлет-Гирея. – *Авт.*), и к тому же злую славу у окрестных соседей, и проклятие, и нареkanie слёзное от всего народа».

Андрей Михайлович справедливо обвиняет царя за «всея Святорусские земли с кромешники твоими опустошение», но приведённые им страшные и многочисленные примеры касаются лиц и семей знатных, близких и хорошо знакомых князю людей. При чтении «Истории» Курбского может сложиться впечатление, что «воскурилося гонение великое и пожар лютоости в земле Русской возгорелся» лишь против знати, – но это не так.

Одеяние московского боярина. Гравюра XVI в.

Сосредоточившись на своей личной боли, князь Андрей Михайлович подразумевал, что за десятками описанных им кровавых расправ стояли тысячи безвестных убийств «все-

народного множества людей». Так, рассказывая об истреблении рода Колычевых вслед за опалой (а потом и убийством) митрополита Филиппа Колычева, Курбский упоминает, что царь с «бесовскими сожителями ездил, палил городки, и веси, и дворы» принадлежавших им крестьян со всеми «живущими в них».

Схватив Ивана Колычёва, Грозный велел крепко привязать его к высокой хранилище-повалуше «в самых верхних каморах». В ту же повалушу и ближние строения «было полно человек нагнано и затворено». Повелев поставить под здания несколько бочек пороха, «царь сам стал вдалеке с воинским строем, как будто под супостатным градом, ожидая, когда взорвется».

«Когда же взорвало и разметало не только эту постройку, но и другие, стоящие поблизости, он со всеми кромешниками своими, воистину как бешеный с неистовыми, со всем оным полком дьявольским, велегласно возопив, как на битве с врагами одержав светлую победу, поскакали все прытко смотреть на разорванные тела христиан. А в строениях тех, под которые был заложен порох, было множество связанных и запертых людей».

Этот единственный в «Истории» пример показывает, что Курбский прекрасно знал о массовом уничтожении крестьян и холопов опальной знати. Но ведь и русский историк Степан Борисович Веселовский в середине XX века не был понят многими коллегами, когда предложил не списывать как нечто несущественное крестьян, исчезнувших с лица земли лишь потому, что земля эта принадлежала обвиненному в «измене» боярину или казненному опричнику.

Укорить князя Андрея Михайловича можно лишь за то, что он не убедил позднейших историков признать очевидное, как сделал это убийственно ярким описанием зверских расправ над знатью и духовенством. В сталинские времена было легко обозвать жертвы опричного террора изменниками, но и до сего дня находятся историки, стремящиеся свести число этих жертв к минимуму.

* * *

Поскольку минимализация жертв государственного террора относится не только ко временам Ивана Грозного, читателю может быть любопытно узнать, как проделывалась эта афера. Методика такова. Прежде всего следует отбросить все сообщения современников (мало ли что напишут неофициальные лица!) и пересчитать только те «головы», кои занесла на свой счет кровожадная власть. В случае с Иваном Грозным речь идет о «Синодике опальных», куда бесноватый царь в редкие моменты ужаса перед Страшным судом заносил для поминания имена убиенных. Записи делались спустя годы после событий, далеко не всегда и не полностью, по памяти и случайно подвернувшимся под руку отчетам палачей.

Возьмём, к примеру, всемирно известный Новгородский погром 1570 года. Потрясенные трагедией современники, русские и иностранные, писали об убийстве царем от 20 до 60 тысяч человек, по основательным подсчетам историков XIX века выходило около 40 тысяч. Нашему современнику ничего не стоит отбросить эти цифры как недостоверные, «плод фантазии».

«Самые точные данные о Новгородском погроме сообщает «Синодик» опальных царя Ивана Грозного», – информирует историк XX в. Здесь помещен отчет одного из палачей – Малюты Скуратова: «По Малютина скаске в ноугороцкой посылке Малюта отдал 1490 человек (ручным усечением), ис пищали отдало 15 человек». Итого – 1505 душ.

Этим бы и ограничиться, но «Синодик» называет имена нескольких сот убитых дворян и их домочадцев. «Суммируя все эти данные, можно сделать вывод о том, что в Новгороде погибло примерно 2 или 3 тыс. человек». Отлично! Такое количество убиенных уже легче списать на настоятельную государственную необходимость.

Читателя можно не информировать, что в середине XVI века в Великом Новгороде по переписи было около 5 тысяч дворов, а через 12 лет после погрома и заселения опустевшего города пришлыми переписчики насчитали едва 1 тысячу, то есть, по скромным подсчетам, исчезло 80 процентов населения. Достаточно сказать, что оно в Новгороде «в пору его расцвета не превышало 25–30 тысяч».

Не зная количества дворов, читатель не поймет, где его надули. Просто историки умножили на количество дворов среднюю численность одной семьи – это в Новгороде-то, где на боярских дворах жили сотни «задворных людей», а у зажиточных горожан – десятки работников и работниц, приемышей и т. д.

Но даже приняв население до погрома за 25 тысяч и отняв три тысячи убитых, следует объяснить исчезновение ещё 17 тысяч (если в 1582 году осталось: 5 человек на дворе, умножить на 1 тысячу дворов, итого 5 тысяч человек). Читатель уже обманут, но провести профессионалов историков намного труднее, к тому же есть прямые сообщения летописей, которые трудно назвать «плодом фантазии летописца».

Например, новгородская летопись сообщает, что через семь месяцев после «государева погрома» оставшиеся в живых горожане вскрыли братскую могилу («скудельницу»), чтобы провести над убитыми погребальный христианский обряд. Тела пересчитали: их оказалось 10 тысяч. По чести следовало бы помнить, что многих убитых опричники сбрасывали в Волхов, кое-кого обливали горючей смесью и заживо сжигали, привязывали к саням и разбивали на дорогах... Но для лукавого историка это ничтожные мелочи: главное – избавиться от новой цифры в 10 тысяч. Припишем её чуме (хотя никто в здравом уме не вскрыл бы чумную могилу): «С наступлением осени новгородцы «загребли» и похоронили в братских могилах 10 тыс. умерших». Вот так: и «волки»-коллеги сыты, и «овцы»-опричники целы. Плохо только, что чума и голодная смерть пришли *вслед* за опричной резней. Ничего страшного – опишем «Начало великого разорения» до карательного похода царя по Руси и забудем жуткие рассказы современников об истреблении опричниками всего живого, не только домашнего скота и птицы, но и кошек и собак, а в особенности – о планомерном уничтожении запасов продовольствия. Скажем, что голод начался сам собой. Аналогий таких подходов предостаточно и для истории 1920—1950-х годов.

Немного передернуть – и худо будут выглядеть не палачи, а жертвы: «В дни опричного погрома Новгорода (а не после него, как было на деле. – *Авт.*) голодающие горожане в глухие зимние ночи крали тела убитых людей и питались ими, иногда солили человеческое мясо в бочках. По словам очевидцев, в Твери от голода погибло втрое больше людей, чем от погрома. То же было и в Новгороде. Вслед за голодом в стране началась чума, занесенная с запада».

Вот так, легко и элегантно, замызганные кровью хари опричников в тиши профессорского кабинета на Петроградской стороне Ленинграда отмыты почти добела: «Погром усугубил бедствие, но сам по себе не мог быть причиной упадка Новгородской земли». Винаваты сами новгородцы: «люди сквернословы, плохы, а пьют много и лихо, только их Бог блюдет за глупость». Словом, достукались буйные «меньшие люди» и сепаратисты. Наши тут ни при чем, стихийные бедствия, знаете ли...^[14]

Конечно, другой историк может сказать, что Великое разорение было трагическим результатом опричнины. Но и он, на свой манер опасётся доверять «опровергнутым» предшественником цифрам источников, постарается прослыть академичным. «Вероятно все-таки, – скажет такой учёный с осмотрительностью, – цифра 10–15 тысяч человек будет близка к истине»^[15].

А при чём здесь Курбский? При том, что ни первый, ни второй историк его не упоминают. Между тем князь Андрей Михайлович приводит наиболее высокие цифры казнённых новгородцев. Если, по словам летописцев, во время погрома, длившегося пять недель,

ежедневно погибало от 500–600 до полутора тысяч человек⁵, то Курбский пишет, что царь, «говорят, за один день приказал изрубить, утопить, сжечь и замучить другими муками больше пятнадцати тысяч мужчин, не считая женщин и детей».

Как видим, с Курбским не обязательно даже спорить: его сведения можно просто замолчать. Так что и нам неразумно было бы упрекать князя за то, что он вместо ярких эпизодов казней «сверстных» ему (равных по знатности) людей не приводит общих данных об искоренении кромешниками российского народа.

* * *

Разумеется, историку, в отличие от любителя исторического чтения, нетрудно заглянуть в наиболее полный и точный официальный документ о Великом разорении – писцовую книгу. Их сохранилось немало – толстенных, не охватить пальцами, томов сухих деловых записей чиновников, описывавших состояние земельных владений на предмет взимания налогов.

В общем и целом, делится своими наблюдениями историк В. Б. Кобрин, «писцовые книги, составленные в первое десятилетие после опричнины, создают впечатление, что страна испытала опустошительное вражеское нашествие. “В пусте” лежит не только больше половины, но порой до 90 % земли...»

Однако мало кто решается познакомить читателя с конкретными страницами одного из самых ужасающих документов российской истории. Давайте мысленно перенесемся в старинное здание Архива древних актов в Москве на Пироговской улице, положим перед собой один из тяжёлых рукописных томов XVI века и раскроем его наугад, на одной из многих сотен страниц (цитирую в адаптированном виде):

⁵ Т. е. всего погибло от 17 500 до 52 500 человек, в среднем – 35 000—36 750 человек, не считая особо массовых казней.

Чиновные люди Московского двора. Гравюра XVI в.

«Сельцо Петрово, полторы обжи⁶, пусто, запустело в 1570 году. Деревня Ширяево, обжа, пуста, три четверти запустели в 1569 году, а четверть обжи запустела в 1570 году.

⁶ Обжа – мера налогообложения.

Деревня Конаково, обжа, пуста; деревня Грозилевичи, обжа, пуста; деревня Веретия, две обжи, пуста; деревня Шестьниково, пол-обжи, пуста; запустели те деревни от государского похода, и двory выжжены, как государь велел казнить Семёна Картмазова⁷ в 1570 году».

Можно было проехать сотни верст по некогда богатой земле, видя по сторонам лишь заросшие чертополохом и крапивой поля и сожженные села. Дотошные писцы долго и старательно выясняли причины этой «пустоты». Везде, где только удавалось, они записывали в книги, куда делся искомый налогоплательщик:

«Опричные на правеже замучали, дети с голоду померли»; «умер от опричного правежа» (выбивания налогов), «от опричного грабежа», «от опричнины». «Лук (участок. – *Авт.*) пуст Игнатки Лутьянова, – писали писцы, – запустел от опричнины, опричники живот (имущество. – *Авт.*) пограбили, а скотину засекали, а сам умер, дети безвестно сбежали»; «лук пуст Еремейки Афанасова, запустел от опричнины, опричники живот пограбили, а самого убили, детей у него нет»; «лук пуст Мелентейки, запустел от опричнины, опричники живот пограбили, скотину засекали, сам безвестно сбежал»; «опричники замучали, живот пограбили, дом сожгли».

Среди выжженной пустыни встречались случайно пропущенные опричниками живые деревни, группы населенных пунктов и даже целые нетронутые уезды. Степень разорения частенько зависела от прихотей опричных отрядов. Они могли обойти какой-то район или вдруг смилостивиться: ограбят, но не сожгут, не вырежут мужиков, а только руки поотрубят, и то выборочно: «В Ивановском-Большом 17 человек, у 14 человек по руке отсечено. В Ивановском в Меньшом 13 человек, у семи человек по руке отсечено. В Бежицком 65 человек, у 12 человек по руке отсечено».

Кромешники-то тоже были живые люди, не чуждые человеческих слабостей. Зная, что царь не склонен делиться награбленным, они, бывало, приносили планомерность человекоистребления в жертву алчности, стремясь быстрее других нагряться на самые богатые места. Подстерегали их и иные соблазны, отнимавшие много сил.

Командир одного из опричных отрядиков Генрих Штаден описывал, как при грабеже богатой усадьбы он зарубил топором старую княгиню, хотевшую защитить женские покои: «Я перешагнул через труп и познакомился с их девичьей». Насиловать – не щи хлебать. В другом селении Штаден «не обижал никого. Я отдыхал».

В целом, однако, опричники работали на совесть, намного «тщательнее» татар, почти в каждой деревне оставлявших несколько дворов на «развод». Так, в Рязанском уезде после двух набегов крымского хана во владениях Богословского монастыря имелось: в Окологородном стане три села, 17 деревень и 16 пустошей, в них 72 двора живых, 148 дворов пустых, «да 79 мест дворовых, а двory пожгли татарове»; в Пониском стане «село да деревня, а в них 5 дворов служебных да 4 двора живущих, а людей в них тож, да пустых 21 двор, да 4 места дворовых, двory пожгли татарове».

За такую халтуру Иван Грозный уволил бы опричников без выходного пособия (на кол или голову долой). А хан Девлет-Гирей справедливо полагал, что в оставленные двory на место угнанных в рабство вскоре сбегутся жители центральных, северных и западных районов Руси, где особенно свирепствовали кромешники.

Трудились они не зря. До Великого разорения страны Иваном Грозным обширные северные, северо-западные и часть центральных земель (не считая вольнопоселенцев и казачества на границах) обрабатывались черносошным крестьянством, подчиненным только государству. Свободные от крепостной зависимости, эти крестьяне имели выборное самоуправление, земский сбор налогов, земский суд присяжных и другие вольности.

⁷ Помещика, которому принадлежала эта деревня.

Утверждение самодержавия и крепостного бесправия пролегалo только через уничтожение вольных хлебопашцев вкупе с прочими возомнившими о себе сословиями: ремесленниками, промышленниками и купечеством, воинами и воеводами, приказными людьми и духовенством. Все должны были стать «холопами» государя.

Противящиеся холопству должны были умереть или, подобно Курбскому, бежать из своего Отечества.

* * *

В отличие от многих, князю Андрею Михайловичу повезло: он «утёк», не дожидаясь казни, и не был захвачен на «затворенной» самодержавием границе. Наутро после побега он добрался до крепости Гельмет, где был ограблен недобитыми немецкими рыцарями. Те перевезли Курбского в замок Армус, дограбили, но вынуждены были отпустить в Вольмар.

Литовские власти в Ливонии расследовали это безобразие и постарались принять изгнанника с честью, как и было обещано в письме князю от гетмана Ю. В. Радзивилла. Взамен утраченных на Руси двух вотчинных сел и 200 четвертин поместной земли князь получил богатую Ковельскую волость на Волыни с городом Ковелем и замком, а также староство Кревское. Позже король польский пожаловал Курбскому Смединскую волость и имения в Упитской волости.

Обширные владения жаловались князю Андрею Михайловичу под условием выполнения земской воинской повинности. По приезде в Литву он и сам, судя по обращениям к королю Сигизмунду, желал активно действовать против наступления Грозного на запад и происков его агентов в Прибалтике и самой Литве.

Зимой 1565 года Курбский командовал 15-тысячным отрядом в походе на Великие Луки. На практике война против соотечественников оказалась для Андрея Михайловича тягостной. В воинстве его «немало было ово варваров измаильтеских (мусульман. – *Авт.*), ово других еретиков», принадлежавших к реформатским течениям в христианстве.

Видимо, чувствительность Курбского на чужеземной службе обострилась. В свое время он по приказу Грозного сжег город Витебск «и в нём двадцать четыре церкви христианские». Теперь вместе с товарищем-воеводой князем Корецким Андрей Михайлович строго следил, «чтобы неверные церковей Божиих не жгли и не разоряли».

Однако уследить за рассыпавшимися по Луцкой волости отрядами было трудно. «Без нашего ведома, – признавал Курбский, – ...нечестивые сожгли одну церковь, и с монастырем». Монахов удалось из пленения освободить, но Андрей Михайлович надолго отвратился от мысли воевать на Руси. Примерно через год крымский хан предложил королю Сигизмунду совместный поход на Московское государство. Памятуя о тяжёлой сабле Курбского, хан в особенности призывал в поход его, надеясь, что, как и бежавшие в Крым россияне, князь пылает мщением. Король повелел князю Андрею Михайловичу выступать вместе с татарами.

Курбский резко отказался: «не восхотел и помыслить о таком безумии, чтобы пойти под басурманскими хоругвями на землю христианскую вкупе с чуждым царем безбожным». Это Грозному хан был «любительный брат», а изгнаннику – лютый враг. Сам король, призадумавшись, согласился с правотой Андрея Михайловича.

Сие не удивительно, поскольку в Польше и великом княжестве Литовском по мере того, как крепчало турецко-татарское наступление в Европе, набирала силу идея оборонительного союза всех заинтересованных христианских государств. В 1575 году, спустя десятилетие после бегства, Курбский вновь появился на военной службе, отражая набеги татар на Волынскую землю.

Явление князя Андрея Михайловича на бранном поле было связано, надо полагать, с восшествием на престол нового короля Стефана Батория, известного воителя с басурманами. Прежний король Сигизмунд Август глубоко разочаровал Курбского, не пожелав бодро защищать страну от татарских набегов.

«Его королевская высота и величество, – с гневом писал Андрей Михайлович, – не к тому обращало свой ум, но паче на разные плясания и преиспещренные маскарады. Так же и властители земли той с бесчисленными убытками глотку и брюхо набивали дорогими марципанами, и, как в дырявые бочки, безмерно вливали дражайшие вина, и с прихлебателями скакали и воздух сотрясали, гордо и самодовольно друг пред другом пьяные похвалялись».

После пьяных клятв достать турка хоть на небе, сии застольные воители залезали под толстые перины. «Что за картина! – писал Курбский. – Едва после полудня проспавшись, с завязанными головами, с похмелья едва живы, в себя придя, встанут, ленивы и мерзки весь остаток дня, многолетнего ради обыкновения».

Андрей Михайлович обличал короля и знать, что не заботились о своем разоряемом басурманами отечестве, о толпах несчастных, ежегодно угоняемых в рабство. «А если даже, ради срама великого и нареkania многослезного от народа, вроде бы вооружатся и отправятся в поход – идут в отдалении по следам басурманских полков, боясь наступить и ударить на врагов креста Христова. И, походив за ними два-три дня, возвращаются восвояси, а что осталось от татар или сохранено убогими христианами в лесах – всё съедят и последнее разграбят, ничего бедным и несчастным не оставив...»

Служилые люди Московского двора на Регенбургском посольском съезде 1576 г. Гравюра XVI в.

Оказалось, впрочем, что и при новом короле нравы рыцарства не изменились. Обличая перемену многими знатными людьми православной веры, Курбский считал ещё более горестным «сладострашием» трусость и изнеженность: «Как прослышат про варварское нашествие, то забьются в неприступные крепости и – воистину смеха достойно – одевшись в латы, сядут за стол с кубками да брешут байки с пьяными бабами своими, а из ворот крепости выйти не желают, хоть бы под самыми стенами секли басурманы христиан!»

«Я сам видел, – писал князь Андрей Михайлович, – как пятеро знатных со своими дворами и два ротмистра с полками засели в крепости, а несколько воинов со множеством простонародья билось под стенами с угоняющим рабов татарским войском. Не раз уже были разбиты и разогнаны басурманами христиане, но ни один из знатных не вышел на помощь из крепости: в то время сидели они, говорят, и пили великим полными кубками!»

«О пирование, зело непохвальное! – восклицал в сердцах Курбский. – О кубки, не вином, не мёдом сладким, но кровью христианской налитые! Если бы не приспел к концу битвы прытко гнавшийся за татарами Волынский полк – всех бы до конца избили. А так басурманы, изрубив бо́льшую часть пленных и бросив остальной полон, в бегство обратились».

Не раз и в других крепостях видел Андрей Михайлович своими глазами, как богатые и благородные, вооружённые и одетые в броню, не желали выйти против врага ни на шаг из крепостей. Даже преследовать татар отказывались, будто и следов их боялись! Только волынцев, своих новых земляков, крепче других державших православную веру под натиском иноверцев, хвалил Курбский за мужество и храбрость.

* * *

Князь Андрей Михайлович стыдился за воинское сословие, уклонявшееся от защиты своей земли, но пуще того болел душой за разоряемую кромешниками и татарами Русь. Со скорбью видел он гибель славы русского оружия, хоть и выступил в 1579 году против Отечества, командуя полком в походе Стефана Батория на Полоцк.

Иван Грозный злобствовал, приписывая Курбскому идею натравить на Русь крымских татар и сам замысел наступления к Полоцку, думал, что именно беглый князь обеспечил неприятелю победу. Андрей Михайлович не придавал своему участию в походе такого значения.

Он видел причины поражения соотечественников в слабости русского войска, убийстве царем лучших воевод, трусости Грозного и его прихлебателей, попрятавшихся вместо того, чтобы защищать страну. Желая избавить Россию от тирана, Андрей Михайлович пошел после полоцкого взятия дальше, разгромил русское войско, преграждавшее путь на восток, и настойчиво просил короля дать ему армию для наступления прямо на Москву.

Однако скорая победа над Иваном Грозным не входила в планы Стефана Батория. Король справедливо опасался весьма живучих в землях великого княжества Литовского и отчасти в Польше настроений в пользу союза и даже объединения с Московской Русью. Лишить её Грозного значило бы усилить врага. Выгоднее было ослаблять некогда могучего соседа, отрывая от Руси кусок за куском.

Наступательный порыв Курбского, мечтавшего покончить с войной малой кровью, весьма скоро сменился разочарованием. Баторий воевал не с Иваном Грозным и его кромешниками, не казавшими нос на поле боя, а со священной для Андрея Михайловича Русской Землей.

В 1581 году, получив приказ выступить в поход на Псков, Курбский впервые уклонился от битвы: то ли сказался больным, то ли вправду заболел. Он засел в своем имении Милянчице недалеко от Ковеля, где и скончался в мае 1583 года.

Владения его были отобраны у детей от третьей жены в пользу второй – весьма склочной женщины, с которой князь давно разошелся. Только столетие спустя, при канцлере князе Василии Васильевиче Голицыне, наследники Курбского смогли вернуться на Русь.

Тогда же, не без поддержки Голицына, в России получили широкое признание и сочинения Андрея Михайловича, ранее передававшиеся из рук в руки осторожно и в строгой тайне. С этого времени правдивое слово Курбского стало одним из решающих факторов в

понимании трагедии России XVI века. Вместе с тем, как ни парадоксально, память князя всё более ретиво пятналась клеймом «изменника».

* * *

Сие противоречие прекрасно выразил великий русский историк Николай Михайлович Карамзин в начале XIX века. «История» Курбского была для него ключом к описанию царствования Ивана Грозного, но сам беглый князь – преступником!

«Бегство не всегда измена, – писал Карамзин, – гражданские законы не могут быть сильнее естественного – спасаться от мучителя; но горе гражданину, который за тирана мстит Отечеству!»

Юный, бодрый воевода, в нежном цвете лет ознаменованный славными ранами, муж битвы и совета, участник всех блестящих завоеваний Иоанновых, герой под Тулою, под Казанью, в степях Башкирских и на полях Ливонии, некогда любимец, друг царя, возложил на себя печать стыда и долг историка вписать гражданина столь знаменитого в число государственных преступников»^[16].

Нельзя не заметить, однако, что это жесткое определение не вполне убедило русское общество. Яркая гражданская позиция Курбского, выраженная в его сочинениях, изданных в 1833 году Николаем Гавриловичем Устряловым, заставляла рассматривать его «измену» как трагедию античного масштаба.

Это чувство прекрасно выразил драматург барон Е. Ф. Розен (Князья Курбские. СПб., 1857). Оно в той или иной мере присутствует в объемистой книге С. Д. Горского (1858), повестях М. И. Богдановича (Князь Курбский. СПб., 1882) и М. Д. Ордынцева-Кострицкого (Опальный князь. Пг. М., 1916).

Московский боярин, придворный, воин, татарский воин. Гравюра XVI в.

В исторической публицистике прошлого столетия противоречие между обвинением и оправданием Курбского проявлялось острее, хотя тень «измены» постоянно присутствовала в характеристике героя. Причины живучести преступного или, по выражению Н. А. Попова,

«уголовного» элемента в представлениях о Курбском четко назвал Николай Иванович Костомаров.

Прежде всего, обвинения против Курбского более или менее откровенно служили оправданию неисчислимых злодеяний Ивана Грозного.

«Нам советуют, – писал Костомаров в “Вестнике Европы” за 1871 год (т. VI, кн.10), – не доверять Курбскому и другим писателям его времени насчет злодеяний Ивана. Не отрицают, впрочем, фактической действительности казней, совершенных им: это было бы чересчур произвольно, при собственном сознании тирана. Задают вопрос: “Да не было ли, в самом деле, измены?..” Бросается подозрение на замученных царем Иваном Васильевичем; они, подобно Курбскому, хотели бежать в Литву; там у них были свои идеалы».

Но в действительности, доказывает Костомаров, «история не представляет никаких, даже слабых, доводов к подкреплению таких произвольных подозрений... Вина падает на мучителя, а не на замученных. Мучительства производили бегства, а не бегства и измены возбуждали Ивана к мучительствам».

Еще важнее, что клеймо «измены» на беглом князе помогало возвысить интересы самодержавия над общечеловеческими ценностями. Костомаров разъясняет это с предельной четкостью:

– Ставят в заслугу царю Ивану Васильевичу, что он утвердил монархическое начало, но будет гораздо точнее, прямее и справедливее сказать, что он утвердил начало деспотического произвола и рабского бессмысленного страха и терпения.

– Его идеал состоял именно в том, чтобы прихоть самовластного владыки поставить выше всего: и общепринятых нравственных понятий, и всяких человеческих чувств, и даже веры, которую он сам исповедовал.

– И он достиг этого в Московской Руси, когда, вместо старых князей и бояр, поднялись около него новые слуги – рой подлых, трусливых, бессердечных и безнравственных угодников произвола, кровожадных лицемеров, автоматов деспотизма; они усердно выметали из Руси все, что в ней было доброго; они давали возможность быстро разрастись и процветать всему, что в ней в силу прежних условий накопилось мерзкого...

Те доводы, которые приводит Курбский в свое оправдание, имеют в глазах Костомарова характер общечеловеческой правды: «Курбский жил в XVI веке; едва ли уместно в XIX судить деятелей прошлого времени по правилам того крепостничества, по которому каждый, имевший несчастье родиться в каком-нибудь государстве, непременно должен быть привязанным к нему даже и тогда, когда за все его заслуги, оказанные этому государству, он терпит одну несправедливость и должен каждую минуту подвергаться опасности быть безвинно замученным!»

Разоблачил Костомаров и обоснование обвинений против князя Андрея Михайловича с позиции ура-патриотизма, незаметно переходящего в шовинизм: «Руководствуясь русским патриотизмом, конечно, можно клеймить порицанием и ругательствами Курбского, убежавшего из Москвы в Литву и потом в качестве литовского служилого человека ходившего войной на московские пределы, но в то же время не находить дурных качеств за теми, которые из Литвы переходили в Москву и по приказанию московских государей ходили войной на своих прежних соотечественников, – эти последние нам служили, следовательно, хорошо делали! Рассуждая беспристрастно, окажется, что ни тех, ни других не следует обвинять...»^[17]

* * *

Тема патриотизма и в особенности национализма в наше время настолько болезненна, что объективно справедливая позиция Костомарова нуждается в пояснении. Историк отнюдь не отвергал любви к отечеству или национальности – он отстаивал её всей своей жизнью,

протестуя исключительно против двойной морали, заставляющей становиться на чью-либо сторону независимо от правоты этой стороны, просто потому, что она «наша».

Современным горе-патриотам, разросшимся, как поганки, на развалинах Союза, мало понятны идеи «полнейшей свободы вероисповедания и национальностей и отвержения иезуитского правила об освящении средств целями», отстаивавшиеся Костомаровым в Петропавловском равелине, в ссылке и под полицейским надзором^[18].

Не менее агрессивные космополиты, в последнее время именующие себя «демократами», давно записали Костомарова в «националисты». Действительно, он посвятил немало крупных трудов освободительной борьбе украинского народа, выучил его язык и даже написал на нём ряд произведений.

Книги Николая Ивановича Костомарова сочувственно рисуют освобождение Украины из-под гнета Польско-Литовского государства и воссоединение её с Россией, а затем – несладкую жизнь малороссов при самодержавии. Однако если читатель понадеется, что историк обойдет молчанием злодеяния самих украинцев, его ждет горькое разочарование.

Даже православие, под знаменем которого развивалось освободительное движение на Украине, рассматривается Костомаровым отнюдь не панегирически, а навязывавшаяся народу польскими властями уния не обличается наотмашь: в ней выявлены некоторые положительные черты. Не случайно работа об унии была уничтожена царскими властями^[19].

В целом одобрительно относился историк и к войне России с Речью Посполитой на стороне восставших казаков. Однако Николая Ивановича нельзя упрекнуть в причастности к официальным восторгам по поводу раздела Польши в XVIII веке и недостатке сочувствия к освободительной борьбе поляков, рассмотренной им в специальной работе.

В русской истории, которой посвящена значительная часть исследований и популярных трудов Костомарова, отчетливо выделены непреходящая польза многонационального единства, значение русской культуры и государства для прогресса окрестных народов и в то же время – ужасающие следствия гнета самодержавия. Если впихнуть Николая Ивановича в рамки русского, украинского или польского национализма более чем затруднительно, то можно попробовать объявить его славянофилом (хотя видит Бог, мало кто показал столько печального в истории славян).

Но поступим, как обычно делают привыкшие обманывать народ публицисты: вырвем из трудов Костомарова отдельные страницы. Против происхождения Древнерусского государства от норманнов выступал? Выступал, и весьма резко. Идею федерации свободных славянских народов проповедовал? Истинно так! Ну, значит, славянофил.

Только вот незадача – именно Костомаров ещё в 1871 году разъяснил читателям, что «слово *общеславянское* имеет неопределенное значение общего места, которое можно прилагать к чему угодно»; «чтобы определить общеславянское, нужен гигантский труд... но такой труд ещё никем не совершен, и едва ли результат его в надлежащей степени может быть когда-либо достигнут».

Посему, заключил историк, апелляция к славянской идее ныне и присно будет неотъемлемой принадлежностью политических спекулянтов: «Один будет, злоупотребляя словом общеславянство, усердно кадить той или иной существующей в данное время силе, другой – из тумана общеславянских воззрений показывать ей кулак».

Единственно верным критерием оценки любых исторических событий, по Костомарову, является не взгляд с национальной или космополитической колокольни, а определение, насколько то или иное деяние «способствует благосостоянию человеческого рода, его умственному развитию и нравственному достоинству»^[20].

* * *

Разговор об «измене» Курбского вообще лежит не в национальной плоскости. И Россия, и великое княжество Литовское были многонациональными государствами. Большинство русских дворянских родов гордились своим происхождением из Золотой Орды и пришедших ей на смену различных ханств, из Литвы, Польши, Пруссии, Швеции, Дании и т. п. Большую часть территории великого княжества Литовского составляли древнерусские земли, основная масса его населения была православной, и даже важнейшие государственные документы писались изначально на русском диалекте.

В рамках земель, вошедших ко времени Ивана Грозного в Московское государство, исторические представления до нелепости искажены «москвоцентризмом». Если неприятель нападает на Москву – это плохо, если же москвичи побеждают защищающих свои вольности и дома новгородцев или псковичей – это хорошо.

Когда князь Олег Рязанский выступает против Дмитрия Донского на стороне татар и Литвы – это «измена». Когда же Москва выступает с татарами против Твери, поднявшей на Руси знамя борьбы с ордынским игом, – это хорошо. А ежели московский князь сумеет натравить татар на Литву – сие, несомненно, замечательное историческое деяние!

Отношение русской историографии к великому княжеству Литовскому, куда угораздило отъехать Курбского, было особо отрицательным не только потому, что оно долгое время было могучим противником Москвы, но и благодаря его моральному преимуществу, которое во что бы то ни стало следовало скрыть.

Ведь Литва боролась с Ордой в то время, когда Москва выступала верным вассалом Чингизидов. Ольгерд, разбивший крестоносцев, отнявший у Польши изрядную часть Волыни, а у Москвы – Смоленск, выиграл битву с татарами у Синих Вод (1362) и освободил Подолие, левобережье Днестра, бассейн Южного Буга и Днепр от лиманов до реки Роси.

Сколь несравнимы эти успехи с Куликовской победой Дмитрия Донского над ханом Мамаем, пошедшей на пользу сюзерену московского князя Тохтамышу! Когда неблагодарный Тохтамыш сжег Москву, Витовт прошел войной по принадлежавшим Орде южнорусским степям до Азова, откуда переселил часть татар под Вильно.

На уровне конкретных личностей умолчания нашей историографии выглядят ещё неприличнее. Герои нашей истории, знаменитые победители на Куликовом поле князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, перешли на сторону Дмитрия Донского, передав ему город Трубчевск.

Это, конечно, не измена. Более того, нам не нужно знать о прежних подвигах Андрея в боях с Тевтонским орденом и в особенности – о дальнейшей судьбе князей, покинувших службу Дмитрию Донскому, вновь ставшему вассалом Орды, и героически погибших под знаменами Витовта в битве с татарами на реке Ворскле (1399).

Если уж быть точным, то и главный герой Куликовской битвы Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский выехал в Москву из Литвы, с Волыни, на что указывает его прозвище. Не случайно вспоминал Курбский о древней доблести своих волынцев!

Переход знати из Литвы в Москву и обратно происходил постоянно. В конце XV века, например, предались великому князю московскому со своими княжествами князья Белевские, Воротынские, Новосильские, Одоевские и множество других. Они не просто участвовали в войнах с Литвой, но были виднейшими полководцами нового сюзерена. Достаточно назвать «победоносного воеводу» Ивана Михайловича Воротынского (отца героя Молодинской битвы), отличившегося в боях с литовцами в 1512 году, когда на сторону Москвы перешли князья, владевшие Черниговом, Стародубом, Гомелем, Любечем, Новгородом-Северским, Рьльском и другими городами и весями великого княжества Литовского.

Вместе с Воротынским при осаде и взятии Смоленска (1512–1514) прославился Михаил Львович Глинский – один из крупнейших польско-литовских полководцев и государственных деятелей, учившийся в Италии и отличившийся на полях сражений в Германии. Перед отъездом в Москву он перебил у себя на родине массу народа и разорил несколько городов, зато занял почетное место при дворе Василия III.

Выезды в Россию виднейших литовских князей продолжались и при Иване Грозном – достаточно вспомнить Дмитрия Ивановича Вишневецкого, предложившего царю изрядный кус Украины и услуги Запорожской Сечи (1557). Только выехать назад в Литву с каждым годом становилось всё труднее.

Тем не менее значительная часть литовской знати имела старые и новые русские корни, так что выезжие из Московского государства легко вписывались в шляхетскую среду. В XVI и даже в XVII веках существовала сильная тенденция к объединению Литвы с Москвой, но при безусловном сохранении таких важных для европейской страны завоеваний, как рыцарские вольности и магдебургское право городов. Развитие российского самодержавия положило непреодолимую преграду объединению братских народов мирным путем, надолго оставив единокровную Литву в сфере влияния католической Польши.

* * *

В XIX веке, при царе-батюшке, историки знали эти обстоятельства и не слишком резко осуждали беглецов из России, тем более что к тому времени эмиграция стала неотъемлемой частью русской культуры. Наибольшая доля осуждения приходилась Курбскому, хотя и его судьба нередко вызывала понимание и сочувствие.

После Октябрьского переворота 1917 года историки и писатели, ринувшиеся обличать «проклятый царизм», оказались значительно более нетерпимы к беглецам из России Ивана Грозного вообще и к Курбскому в особенности.

Казалось бы, парадокс: как могли осуждать «измену» Курбского большевики, открыто выступавшие за поражение Отечества в Русско-японской и Первой мировой войне и тайно воевавшие со своей страной на стороне Японии и кайзеровской Германии на японское и немецкое золото? Ведь они пошли дальше Курбского, желавшего поражения тирану, тогда как большевики продолжали служить немцам и после свержения монархии.

Ответ легко найти, перечитав оправдание князя Андрея Михайловича Костомаровым: в глазах большевиков каждый пункт выглядел смертельным обвинением Курбскому. Спасаться от мучительства! Противопоставить общечеловеческие ценности деспотическому произволу! Восставать против кровавой тирании с мечом в руке! Служить «им», тогда как все должны предать свои страны и служить «нам»!

Сплошь расстрельные статьи, а учёные и литераторы хотели не только жить, но и кушать хлеб с маслом. Удивительно ли, что «апологет боярства», «изменивший своей стране», неукоснительно обливался грязью?! Замечательно как раз другое – нашёлся человек, в самый разгар обличительной вакханалии выступивший в защиту Курбского от наиболее грубых нападок.

Это был великий русский историк Степан Борисович Веселовский. Его работу, конечно, не напечатали, но мужество старого ученого давало надежду, что после окончания сталинского террора положение в науке изменится. Только так не бывает в нашей нелинейной стране.

С наступлением хрущёвской оттепели и до последнего времени появилась масса исследований, в том числе таких видных специалистов, как А. А. Зимин, С. О. Шмидт, Я. С. Лурье, Р. Г. Скрынников, Ю. Д. Рыков и др. Не отставали и зарубежные исследователи.

Большой ажиотаж вызвала книга американского историка Эдварда Кинана. Он счёл, хотя и без достаточных оснований, что переписка Грозного с Курбским и даже «История» князя слишком превосходят уровень мысли и литературы России XVI столетия и могли быть написаны только в XVII веке.

Однако при всём изобилии новых работ основное внимание уделялось узкой прикладной теме – возможности использования сочинений Курбского как исторического источника. Андрей Михайлович оставался в глазах учёных «изменником», только одни писали об этом скороговоркой, а другие смаковали обвинение.

* * *

Более всех потрудился на этой ниве известный ленинградский историк и вузовский профессор Руслан Григорьевич Скрынников. Понимая, что даже повторение бредовых идей Грозного, будто «по совету Курбского король натравил на Россию крымских татар», с точки зрения прав и обычаев воинского сословия XVI века не может служить обвинением, учёный направил свои усилия на доказательство «предательства» князя до того, как он сменил сюзерена.

Это было нелегко. Ведь Курбский не сдавал врагу городов, как это делали многие выезжавшие на московскую службу литовские князья, не подставлял свои войска под удар и не устраивал диверсий, пребывая целый год (с 3 апреля 1563 года) царским наместником в Ливонии. Более того, он честно выслужил годовой срок и почти месяц дожидался смены, прежде чем бежать в ночь на 30 апреля 1564 года.

Но для умелого историка нет ничего невозможного. Хорошо известно, что Курбский долго вёл переговоры с польско-литовскими властями о своем выезде. В период военных неудач, после падения Полоцка, выезд известного русского полководца приветствовался западными соседями особенно сердечно. Но это были отношения людей благородных – обывателю же более понятен намек на шпионаж, пусть даже и не доказанный.

«Затевая секретные переговоры с литовцами, – пишет Скрынников, – Курбский, по видимому, оказал им важные услуги». Дело в том, что «за три месяца до побега Курбского в Литву» гетман Ю. Н. Радзивилл разбил русскую армию, вторгшуюся в литовские пределы. А Курбский уже после бегства рассказывал литовцам, что первоначально армию хотели направить на Ригу, но потом решили собрать в Полоцке.

Ну и что? – спросит читатель. А опасливый Скрынников и не утверждает, что Радзивилл, «как видно, располагавший точной информацией» о русском походе и устроивший «засаду», получил шпионскую информацию от Курбского. Но он был «адресатом» князя, к тому же Андрей Михайлович был «ошеломлен» вестью о зверской казни царём «двух бояр, которых подозревали в тайных сношениях с литовцами».

Царь «неслыханно смерти и муки на доброхотных своих умыслиша», писал Курбский. «Волнение Курбского вполне можно понять: над головой этого «доброхота» вновь сгустились тучи», – ядовито комментирует Скрынников. Бояре были обвинены в «изменных сношениях», Курбский принял их казни близко к сердцу – значит, сам такой же «доброхот». Ага! «Намёка, догадка, немогузнайка», – выражался в таких случаях А. В. Суворов. Историк умолчал, что речь идет о знаменитой битве под Оршей, на реке Уле (согласно письму самого Радзивилла, 26 января 1564 года), когда русское войско бежало, а воеводы П. И. Шуйский и князь Палецкий со свитой, выехавшие вперед без доспехов, пали в бою (см. следующую главу).

Сбор армии в недавно взятом Полоцке было не утаить, а каким образом Курбский из Дерпта мог помочь разбить её – немыслимо. Для удачного нападения Радзивиллу нужна была лишь хорошая тактическая разведка; стратегический план московских воевод, подра-

зумевавший соединение под Оршей войск П. И. Шуйского и князей Серебряных (см. во второй части четвертую главу), стал понятен гетману лишь в последний момент. Радзивилл крупно рисковал, атаковав Шуйского под угрозой со стороны подходящих Серебряных, и после победы не продолжил военные действия. Армия Шуйского отступила с минимальными потерями в людях, а Серебряные беспрепятственно прошли войной от Дубровны до Кричева и вернулись назад с многочисленным полонем.

Читатель может спросить, зачем было Курбскому рассказывать литовцам о прошедших событиях, если бы он заранее известил их о русском походе? Но ведь Скрынников ничего не доказывает, его цель однозначна – замарать Курбского. Рассказывает – значит причастен, молчит – тем более!

Например, Андрей Михайлович весьма кратко высказался по поводу своих переговоров со шведским наместником в Ливонии графом Арцем. Когда его покровитель герцог Юхан (будущий король Иоанн III) был заточен сумасбродным королем Эриком XIV, Арц искал помощи одновременно у Литвы и Москвы, но в конце 1563 года был схвачен и казнён в Риге.

Курбский «уговорил» Арца, «чтобы он склонил перейти на сторону великого князя замки великого герцога финляндского (Юхана. – *Авт.*), о подобных делах он знал много, но во время своего опасного бегства забыл». Очевидно, Андрей Михайлович молчал, чтобы не ставить под удар оставшихся в живых сторонников Арца, коему весьма симпатизировал. Покинув Юрьев, он принял к себе слугу графа и не раз сокрушался о кончине его господина.

Однако по Скрынникову, «неожиданная немногословность и ссылка на забывчивость косвенно подтверждают распространившиеся в Ливонии слухи о причастности Курбского к смерти Арца». Слухи эти ограничиваются замечанием ливонского хрониста Ниештадта, будто Андрей Михайлович «впал в подозрение у великого князя из-за этих переговоров, что будто бы он злоумышлял с королем польским против великого князя». Ниештадт считал, что Курбский был честен с Арцем. О реакции Ивана Грозного он точно не знал, но, если у царя и возникли подозрения, они могли относиться к самому факту переговоров с иноземцами, да ещё тайных. Для Скрынникова же вопрос ясен: по слухам, «Курбский сам предал шведского наместника Ливонии». А добротой к слуге Арца и сожалениями о его смерти «не желал ли он отвести от себя подозрения насчет предательства?»

Логичен вопрос: к чему бы Курбскому притворяться среди литовцев, если он действительно выдал им Арца? Но дело не в логике, а в упорном, непреодолимом желании очернить память князя, «предательство» которого «было щедро оплачено королевским золотом», как шпиона, а не воина, с коим следовало расплачиваться почестями и поместьями. Основание? Курбский смог захватить с собой из Юрьева только золотые и серебряные монеты «и всего 44 московских рубля», негодует Скрынников^[21], будто он, профессор, читающий курс русской истории XVI–XVIII веков, не ведает, что рубль был только мерой счета копеек и полушек, а крупная монета, в которой знать любила делать накопления (например, к свадьбам), была иностранной. Даже более поздние серебряные ефимки представляли собой четвертушки талеров с русской надпечаткой. А в какой монете, любопытно, Курбский мог делать накопления в Ливонии, где как воевода вполне традиционно «кормился»? О содержимом своего кошелька (по Скрынникову – «мешка золота»), отобранного в Гельмете, князь подробно рассказал литовским властям, подавая жалобу на грабёж. Почему он не усилил обвинение против немцев-грабителей, сказав, что это золото короля?

Вопросы, конечно, риторические. Не у одного Скрынникова имя Курбского вызывает пароксизмы гнева, исключаяющие совесть и здравое рассуждение. Другие беглецы не производят такого эффекта, даже потомок Гедимины Семён Бельский, утекший в Литву, оттуда в Турцию и Крым, чтобы воевать с Россией и вести на неё войска крымского хана.

* * *

Ненависть советского интеллигента к Курбскому непреходяща. Не случайно признанный образцом интеллигентности академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, говоря о Курбском в связи с изданием его трудов, оставляет свою обычную сдержанность и точность выражений.

Вопреки историзму, к коему не раз призывал академик, Курбский для него не выезжий аристократ, а «князь-изменник», «перевертень», «типичный перевертыш», который «паразитирует на традиционном жанре, разрушая его». Этого мало – следует ещё развернутая убийственная характеристика князя.

«Курбский стал писателем, бежав за рубеж и изменив родине. Ему надо было оправдать себя в глазах общественного мнения в России и в Польско-Литовском государстве. Больше того – ему надо было оправдать себя в своих собственных глазах, ощутить свое право на позицию моралиста и нравоучителя». «Его писания были самооправдательными документами, в которых он позировал перед другими, перед своими читателями, но прежде всего перед самим собой... Грозный был несомненно талантливее Курбского...»^[22]

Эта оценка, выражающая, несомненно, личное убеждение автора, а не навязанная извне, проистекает из уверенности служилой интеллигенции России, что человек сам по себе не может быть ответственным за судьбу своей страны. По крайней мере русский человек.

В этом смысле вина Курбского действительно огромна. Он заявил свое право решать вопросы государственного устройства страны и вообще назвал Московскую Русь своей, не занимая в ней определенного места, «не по чину».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Ясинский А. Н. Сочинения князя Курбского как исторический источник. Киев, 1989. С. 67, 73–74.

2.

Князя А. М. Курбского «История о великом князе московском». СПб., 1913. С. 13–14 и др.

3.

Разрядная книга 1475–1605 гг. – М., 1977. Т. 1 Ч. II. С. 380, 394, 402.

4.

Князя А. М. Курбского «История о великом князе московском». С. 15–17; Царственная книга // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1906. Т. 13. Ч. 2. С. 485–488; Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 120–128; Александро-Невская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 178–181.

5.

Князя А. М. Курбского «История о великом князе московском». С. 17–44.

6.

Князя А. М. Курбского «История о великом князе московском». С. 118–119, 125; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 95, 97–100, 102–103, 107–109 и др.

7.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV – начало XVII в. М., 1955. С. 463.

8.

Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 116–119.

9.

Князя А. М. Курбского «История о великом князе московском». С. 6–10, 44–46, 58–60, 66–67.

10.

Князя А. М. Курбского «История о великом князе московском». С. 46–57.

11.

Князя А. М. Курбского «История о великом князе московском». С. 67–75; ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. Ч. 1. С. 286–290, 295; ПСРЛ. Т. 13. Ч. II. С. 303–306; Ясинский А. Н. Сочинения князя Курбского как исторический источник. С. 53–56; Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). СПб., 1893. Т. 1 Борьба в Ливонии; Зутис Я. Я. К вопросу о ливонской политике Ивана IV // Известия АН СССР. Серия истории и филологии. 1952. Т. 9. № 2; Очерки истории СССР. С. 371–373.

12.

Князя А. М. Курбского «История о великом князе московском». С. 75–76, 86–99; Псковская I летопись // ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 311–312; Прибалтийские хроники: 1) Рюссов // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1880. Т. 2. С. 389–

395; 2) Ниенштедт // Там же. Рига, 1881. Т. 4. С. 29–31; Ясинский А. Н. Сочинения князя Курбского как исторический источник. С. 56–62; Очерки истории СССР. С. 374–377.

13.

Князя А. М. Курбского «История о великом князе московском». С. 79, 86, 99—114, 188–194; Ясинский А. Н. Сочинения князя Курбского как исторический источник. С. 61–67; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С.102.

14.

Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 143–144, 157–160.

15.

Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989. С. 81, далее цит. с. 121.

16.

Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1843 (репринт: М., 1989). Стлб. 33–34.

17.

Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. М., 1989. Кн. 1. С. 20–21.

18.

Костомаров Н. И. Автобиография // Костомаров Н. И. Литературное наследие. СПб., 1890. С. 61–62.

19.

См.: Хлебников Л. М. Сожженная диссертация // Вопросы истории, 1965. № 9. С. 213–215.

20.

Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Кн. 1. С. 19–20, 6.

21.

Скрынников Р. Г. Иван Грозный. С. 90–94, 97.

22.

Лихачев Д. С. На пути к новому литературному сознанию // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 9, ср. с. 6, 10–11. Далее цит. с. 11, 6.